

НАШИ • ТАМ

МЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Achtung!
Gefährlich!
Atomar!

ВЯЧЕСЛАВ ШАЛЫГИН

РАЗВЕДЧИКИ

Мы из прошлого

Вячеслав Шалыгин

Разведчики

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Шалыгин В. В.

Разведчики / В. В. Шалыгин — «Центрполиграф», 2019 — (Мы из прошлого)

Добытый в 1942 году на Кавказе секретный трофей мог сделать солдат фюрера непобедимыми. Созданные немецкими учеными в 1944 году атомные заряды были способны сметать города, а новые баллистические ракеты могли долететь до любой точки мира и лишить антигитлеровскую коалицию высшего командования. И тогда уже ничто не помешало бы Гитлеру сделать рейх снова великим. После провала высадки союзников в Нормандии этот сценарий стал казаться абсолютно реальным. Но все три проекта доводились до полной готовности в Кенигсберге, штурмовали который не совсем обычные бойцы – разведчики группы капитана Филина. Благодаря их подвигу в 1945 году, планы нацистов были сорваны, но подробности операции сохранились только в закрытых архивах. В 2022 году советский историк Леонид Зимин, пытаясь разобраться, в чем причина этой несправедливости, неожиданно понимает, что коснулся тайны, которая загадочным образом связывает людей в благополучном настоящем и героическом прошлом. Чуть позже Зимин понимает, что вот-вот невольно перепишет официальную историю Советского Союза! Но отступать поздно, Леонид должен идти до конца, как и те разведчики в сорок пятом.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Шалыгин В. В., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	22
Глава 3	32
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Вячеслав Шалыгин

Разведчики

Пролог

Наше время, Москва

«...Последней, но при этом самой успешной операцией германского подводного флота и авиации считается уничтожение кораблей, подводных топливопроводов, а также искусственных гаваней союзников у берегов Нормандии в 1944 году. В результате высадка англо-американских войск во Франции была сорвана, открытие второго фронта вновь забуксовало, и Красной армии потребовалось приложить немало усилий, чтобы все-таки загнать нацистов в границы их логова и вырвать зверю наиболее опасные зубы. В частности, в феврале 1945 года в Кенигсберге захватить нацеленное на Москву «оружие возмездия», новейшую двухступенчатую баллистическую ракету ФАУ-2А10. Помимо увеличенной дальности полета, ракеты нового поколения принципиально отличались тем, что несли ядерные боеголовки, созданные немецкими учеными в нескольких экземплярах.

В результате блестяще проведенной операции в Кенигсберге Советский Союз получил готовое баллистическое ядерное оружие, а чуть позже и лаборатории, чертежи, производственные линии, но главное – научно-технический персонал во главе с Вернером фон Брауном. Последовавшее освобождение к концу июля 1945 года почти всей Европы, кроме Испании, Португалии, части побережья Франции и северных стран, укрепило право Советского Союза диктовать партнерам свои условия.

Послевоенные отношения с Западом характеризовались как прохладные, но прагматичные и равноправные. Этому способствовал не только оказавшийся в сфере советского влияния экономический потенциал Европы. Сыграло свою роль наличие третьего центра силы – непобежденной Японии. В ответ на бомбардировку Хиросимы 6 августа 1945 года японцы сделали то, на что так и не решился Гитлер. 9 августа они запустили одну из трех полученных от нацистов ракет ФАУ-2А10 и уничтожили Лос-Анджелес. В результате противостояние Японии с США закончилось подписанием мирного договора.

К шестидесятым годам последствия Второй мировой войны были в целом преодолены, и конкурентная борьба трех объединений во главе с ядерными державами перешла в чисто экономическую плоскость. Провозглашенный в 1959 году новым советским руководством принцип «бить капиталистического конкурента его же оружием – взять лучшее от двух систем» уже к середине нового десятилетия принес ощутимые результаты.

В семидесятые годы к привычным дисциплинам мирового экономического чемпионата добавилось Большое космическое соревнование. Освоение Луны и подготовка к высадке на Марс отняли у Советского Союза и США немало сил, но при этом дали существенный толчок развитию науки и техники.

Стратегические успехи, высокий уровень жизни и социальное благополучие, как ни странно, несколько расслабили строителей коммунизма, особенно руководящую часть. Чтобы доказать нерушимость принципа социалистического равенства, оздоровить внутривластную атмосферу и вдохновить страну на новые свершения, в конце восьмидесятых была начата Государственно-партийная реформа. Существенно изменились принципы руководства страной, были изменены Конституция и Устав Партии.

Реформа проходила непросто и даже потребовала отказа от некоторых амбициозных внешнеполитических проектов в пользу доводки и шлифовки проектов внутренних. Вследствие этого в начале девяностых вперед вырвалась Япония, а Соединенные Штаты и Северо-Западная Европа, преодолев вызванный космической гонкой кризис, попытались занять вторую позицию. Но «красный» лагерь не отдал свое место, поскольку был усилен Китаем, показавшим фантастические темпы экономического роста и временно подменившим Советский Союз на внешнеполитическом посту.

На рубеже столетий Советский Союз закончил внутренние реформы и вернулся в активную международную жизнь. В начале десятых годов двадцать первого века «красный» лагерь вернул себе лидерство, в связи с чем Япония решила искать союза с Америкой и Северо-Западной Европой.

На смену трем центрам силы пришла двухполярная модель мироустройства. В результате этого соперничество сверхдержав, впервые со времен Второй мировой войны, трансформировалось в новое противостояние...»

Страница Интерактивной Советской Энциклопедии. Раздел «История и современность». Подраздел «Краткие рефераты».

Составлено по запросу пользователя: «истоки и современная модель послевоенного мироустройства» автоматически, программой «Авто-Р», 21.02.2022 года.

21 августа 1942 года, Северный Кавказ, Клухорский перевал

Штурмбаннфюрер СС Отто фон Штиль всегда считал, что горы – это нечто безжизненное и совершенно абсурдное. Нагромождение камней, покрытое выше определенной отметки вечным снегом. По этой причине Отто никогда не бывал даже в Альпах. Ну не имел он интереса ни к созерцанию вершин, ни к горному воздуху, который ценили все, а в первую очередь сам фюрер.

Казалось бы, такой бронебойный аргумент должен был все решить, но в случае фон Штиля на другой чаше весов лежали чисто медицинские показания. В горах Отто панически задыхался. Его, как человека образованного, пугал один простой факт: на высоте всего-то в километр было на целый процент меньше кислорода, чем на равнине. Катастрофа! И как можно употреблять в пищу недоваренные продукты? Ведь на высокогорье вода закипает не при канонических ста градусах, а гораздо раньше.

Нет! Всяким там горам штурмбаннфюрер предпочитал море. Домик на средиземноморском побережье представлялся ему наилучшим вариантом для отдыха. Собственно, фон Штиль имел такой домик на Лазурном Берегу, но навещался туда крайне редко. И чем выше поднимался по служебной лестнице, тем реже. А ироничная судьба с новых ступенек этой лестницы открывала ему виды то на мрачные польские леса, то на унылые украинские степи, то на пугающие и потому ненавистные горы. Спрашивается, за что?

Впрочем, даже такие вот командировки в неприятные и дикие места были полезны. Во-первых, для расширения кругозора, а во-вторых, для поддержания авторитета боевого офицера. В-третьих, хотелось надеяться, что рано или поздно найдется в них польза и для специальных исследований фон Штиля.

Особенно важен был последний из перечисленных пунктов. В войсках СС штурмбаннфюрер фон Штиль больше числился, чем служил в общепринятом понимании. На самом деле он выполнял весьма специфичные задания самого рейхсфюрера. Так что все к лучшему. Такой вывод вернул Отто в состояние душевного равновесия, и он перестал обращать внимание на близкий край обрыва или слепящее солнце, многократно отраженное снежными шапками и гляncем близкого ледника.

Бронемашина уверенно двигалась вверх, но какое-то время подъем определялся только по звуку – мотор броневика гудел все напряженнее и громче. Чуть позже заложило уши – пришлось сглотнуть, а уклон начал пугать. Вот только в этот момент пришло окончательное понимание, куда на этот раз забросила судьба. В какую задницу мира.

Дорога ближе к перевалу постепенно менялась, становилась не только круче, но и значительно уже. Еловый лес остался позади, уступив место кустарникам, кажется, можжевельнику, а затем и вовсе карликовым растениям, словно в приполярной тундре. Главными отличиями от настоящей тундры были выраженный перекоc ландшафта и лежащие почти вровень с дорогой облака.

На обочинах все отчетливее стали проступать следы недавних боев. Зелень больше не скрывала воронки, опаленные камни, обломки техники, тысячи стреляных гильз и трупы. Сотни трупов. Большинство в русской форме, но кое-где до сих пор оставались и тела в фельдграу. Слухи о специальной экипировке егерей оказались несколько преувеличены. Многие солдаты были одеты в обычную полевую форму. Здесь, на высокогорье, – еще и в шинели.

Зрелище было неприятное. Отто понимал, что на войне как на войне, потери несут обе стороны, но возмутило его не количество погибших соотечественников и не то, что похоронные команды до сих пор не подтянулись к передовым позициям. Покоробило Штиля отношение самих егерей к павшим товарищам. Хотя бы сложить в сторонке тела арийских героев им было вполне по силам.

Впрочем, вскоре и этот раздражающий момент исчез. Машина миновала участок, где три дня назад развернулись основные боевые действия, и вырулила на относительно горизонтальную площадку – собственно седло перевала. Холодное мертвое царство осталось позади и внизу, что символично. На миг Отто даже почувствовал себя античным персонажем, вернувшимся из Аида.

На перевале кипела жизнь. Во всех смыслах. Подвешенные над кострами котелки курились паром, люди были живые, техника целой, и не наблюдалось мертвенного уныния, как на подступах к этому штабному лагерю.

Холод, правда, никуда не делся, зелень окончательно уступила место притоптанному снегу, воздухом нельзя было надыхаться, а сердце колотилось наперегонки с цилиндрами в воющем моторе бронемашины, но Штиль все равно выдохнул с облегчением. В штабе дивизии он почувствовал себя намного комфортнее, чем на мертвой дороге, а главное – в безопасности. А что до нехватки кислорода и жуткого холода – пустое, небольшие временные трудности. Задерживаться здесь штурмбаннфюрер не собирался.

Радиосвязь с 1-й горнострелковой дивизией была устойчивой, поэтому Штиля встретили не вопросительными взглядами, а как долгожданного и уважаемого гостя. Молодой офицер без лишних разговоров провел его напрямик в палатку к генерал-майору Хуберту Ланцу.

На дежурные церемонии тоже не ушло много времени. Офицеры ограничились партийными приветствиями, пожали друг другу руки и обменялись парой вежливых фраз о дороге и

самочувствии. Знакомиться им не пришлось. Ланц и фон Штиль встречались в Берлине еще до войны.

– Ваши успехи впечатляют, мой генерал, – заметил Отто. – Перед отъездом я услышал отличную новость. Вы установили флаг на Эльбрусе?

– Это сделали мои солдаты, а не я лично. Флаг поднял отряд капитана Грота. – Ланц жестом предложил пройти во второй отсек палатки, задернутый плотным брезентом. – Перейдем к делу, Отто?

– Да, так будет лучше. – Фон Штиль кивнул.

Адъютант Ланца отдернул полог и, как только генерал и штурмбаннфюрер вошли в смежный отсек, задернул брезент. Штиль успел заметить, что движения адъютанта резковаты и он даже не бросил взгляд внутрь отсека, словно чего-то опасаясь. Похоже, то, ради чего Отто прибыл в дивизию Ланца, успело обрасти если не легендами, то хотя бы тревожными слухами.

– Итак, вы сообщили в известную нам обоим организацию о весьма интригующем трофее, – обводя взглядом отсек, сказал Штиль. – Где же он?

В отсеке не было ничего, кроме трех раскладных кресел, на одном из которых...

«Что за шутка?! – мысленно возмутился фон Штиль. – Это и есть трофей? Они издеваются?!»

– Трофей перед вами, штурмбаннфюрер. – Генерал заложил руки за спину, качнулся на каблуках и подбородком указал вперед.

– Это? – Отто обернулся к Ланцу в полнейшем недоумении. – По радиосвязи вы говорили о чем-то другом, как мне показалось.

– Я не мог говорить открыто, но могу сделать это сейчас. Впрочем, гораздо лучше все объяснит мой офицер, принимавший участие во всех... скажем... этапах.

– Этапах чего?

– Минуту терпения, Отто. – Генерал обернулся. – Капитан, войдите.

Брезент вновь резко сдвинулся в сторону и так же резко закрылся за спиной у габаритного загорелого офицера в полной боевой выкладке. Отто вновь почувствовал раздражение от недопонимания ситуации и на приветствие офицера ответил вялым всплеском руки. Но больше ничем своего неудовольствия фон Штиль не выдал. Его будто бы одернуло изнутри какое-то шестое чувство, инстинкт самосохранения.

В голубых глазах у вошедшего капитана было не меньше льда и смертельной угрозы, чем на этом перевале и на горной дороге, по которой, задыхаясь, приползла машина с Отто. Мысль зацепилась за слово «машина». Капитан чем-то напоминал тот самый броневик: такой же мощный и грозный... просто машина смерти, а не человек. И эти глаза... этот ледяной взгляд настоящего арийца, высшего существа, безжалостного и всемогущего...

«Нет, он не машина смерти. Он ангел смерти».

– Мой генерал. – Капитан перевел взгляд на Ланца и коротко кивнул.

– Знакомьтесь, господин штурмбаннфюрер. Капитан Харальд фон Хиршфельд, командир 2-го батальона 98-го горно-егерского полка вверенной мне горнострелковой дивизии вермахта «Эдельвейс». Харальд, штурмбаннфюрер Отто фон Штиль уполномочен забрать наш трофей и хочет услышать его историю из первых уст.

– Я скверный рассказчик... но постараюсь. – Хиршфельд взглянул на Штиля, как тому показалось, с иронией. Будто бы посочувствовал новому «куратору» странного трофея.

– Рассказывайте с момента, когда вы отправили группу Нойхаузера в обход, Харальд, – приказал Ланц и вальяжно, насколько это было возможно, развалился в раскладном кресле.

– Да, мой генерал. Когда стало ясно, что в лоб русских не пробить, мы оставили на главном направлении боевую группу капитана Пессингера, а группу обер-лейтенанта Нойхаузера отправили по тропе, о которой противник не догадывался.

– Противник не знал, а вы знали? – Штиль вновь перевел недоверчивый взгляд на генерала.

– Впервые я приехал в эти места еще в тридцать шестом. – Ланц скрыл улыбку. – Люблю эти горы. Домбай, Эльбрус... весь Северный Кавказ для меня – это что-то вроде дальнего поместья. Мне знаком каждый камень и очень многие обитатели. Возможно, после войны я здесь поселюсь, возраст позволяет попросить отставку, а звание – выбрать место. Надеюсь, вы понимаете меня правильно, штурмбаннфюрер.

– Я слышан, что вы превосходный альпинист, генерал.

– Благодарю. Но еще я довольно общительный человек. Особенно когда это выгодно рейху.

– Что это значит? – Штиль едва заметно поморщился, обозначая, что предпочел бы более прямой разговор, без иносказаний и намеков.

– До войны я завел в этих местах множество друзей. По местным обычаям, близкие друзья именуется кунаками. Так вот, по секретной тропе группу Нойхаузера провел мой самый старый и верный кунак.

– Все понятно. – Штиль нервно кивнул капитану. – Дальше, пожалуйста. Ближе к сути.

– Ближе некуда, господин штурмбаннфюрер, – спокойно парировал фон Хиршфельд. – Проводник вывел нас во фланг русским, и мы сбросили их с перевала. Но в последний момент русские устроили прощальный салют, взорвали мины. Нойхаузер успел доложить по радиосвязи, что нашел нечто интересное, но затем его вместе с группой и проводником смело лавиной.

– Я просил...

– В этом и заключается суть, – дерзко перебил фон Штиля капитан. – Дослушайте, пожалуйста...

Путь вниз показался Отто фон Штилю вдвое короче. Наверное, потому, что, погрузившись в размышления, он больше не смотрел в окошко. Всю дорогу он задумчиво пялился на манжеты своего кожаного пальто и лишь пару раз обернулся, чтобы бросить взгляд на трофей. История добытого доблестными егерями трофея погрузила штурмбаннфюрера в нечто вроде транс. Если все, о чем поведали Ланц и Хиршфельд, произошло в действительности и трофей является тем, о чем Отто подумал в ту секунду, когда капитан закончил свой рассказ... перед рейхом в целом и фон Штилем в частности открывались невероятные перспективы.

Даже в первом мысленном эскизе, штрихами и крупными мазками, воображение рисовало грандиозную картину. Недаром Отто, едва осмыслив сказанное капитаном фон Хиршфельдом, воодушевился и пообещал обоим собеседникам высокие награды. Никакого права на это он не имел, просто предположил, что добытое стоит таких наград, но прозвучало это все равно весомо.

– Если все обстоит так, как вы рассказали, господа, вы оба получите по Железному кресту с дубовыми листьями... и это будет только первой, самой скромной наградой.

Фон Штиль отлично понимал в тот момент, что, пока не будет проведена тщательная проверка, пока трофей не будет исследован досконально, выводы делать не следует, но кто может запретить надежду? Как человек, связанный с Аненербе, очень серьезной и могущественной исследовательской организацией, Отто был обязан придержать коней до окончания проверки. Он и осаживал себя, как мог, но в душе надеялся, что все обстоит именно так, как ему показалось в первую секунду.

И еще он надеялся, что интуиция не подвела его, как не подводила до сих пор. Ведь именно благодаря острейшей интуиции Отто фон Штиль достиг определенных успехов не только на службе в ведомстве Гиммлера, но и в организации, которая отправила штурмбаннфюрера в гости к генерал-майору Ланцу.

Эта двойная надежда запросто перевешивала все опасения. Отто чуял, что везет в Берлин настоящее сокровище. Трофей трофеев...

«Рыцарским крестом Железного креста с дубовыми листьями генерал-лейтенант Хуберт Ланц (№ 160), командир 1-й горнострелковой дивизии, и капитан Харальд фон Хирифельд (№ 164), командир 2-го батальона 98-го горно-егерского полка, были награждены одновременно 23.12.1942 года...»
Архивная справка

Глава 1

Наше время, Москва

«...Сортировка информации по комбинации нескольких признаков отличается от простой сортировки тем, что поиск и распределение данных производятся интуитивно, почти как это происходит в сознании у человека. Новейшая программа советских ученых-практиков позволяет выделить главное или обобщить информацию – в зависимости от поставленной цели, за считанные секунды. Вы сможете почти мгновенно принимать решения, над которыми размышляли раньше сутками. С помощью бесплатного демонстрационного примера вы можете убедиться, что программа работает именно так, как мы утверждаем. Хотите проанализировать какую-то информацию и обобщить? Хотите выделить красную нить в потоке событий? Хотите увидеть то, что лежит на втором или третьем дне? Наша программа поможет вам в этом! «Мысленная сеть» модификации 4.1 – думающий помощник для думающих людей...»
Из рекламной рассылки на электронную почту

Дождь угомонился еще вечером, но распогодилось только к утру. На какое-то время небо сделалось бархатистым, с серебряным звездным отливом и лунной брошью, но затем померкло. Бархат застирался, а из всех звезд на нем осталась только обожаемая поэтами Утренняя звезда, которая на самом-то деле вовсе не звезда, а планета Венера. Ее огонек все еще тлел рядом с той самой лунной брошью. Спутница Земли, пока не исхудавшая после полнолуния, но уже неровная, сопротивлялась рассвету дольше всех. Но в конце концов тоже исчезла.

В другие дни этот эпизод уступил бы сцену более красочному – восходу, но сегодня второй акт не состоялся. Нет, солнце взошло, все как полагается. Только увидеть это из той точки пространства, где находился Леонид Зимин, не представлялось возможным.

Во-первых, мешал поднявшийся над землей густой, как сметана, туман. Во-вторых... ну а что тут во-вторых? Мешали новые высотки? Да, мешали. Но сегодня сквозь туман не просматривались даже эти высотки. Леонид не видел даже макушки ясеня, который рос в пяти метрах от его окна. Так что нечего добавить.

Где-то там, за туманом, пришел и тут же ушел рассвет, даже не поздоровался, и зрелое утро рисковало разделить с ним эту участь. Нет, обычно любой туман часам к десяти исчезает. Но как знать, произойдет ли это сегодня.

Леонид отвел взгляд от окна и вернулся к утренним мелочам. Яичница приготовилась, оставалось снять сковородку с огня и поддержать немного на весу, прежде чем выложить содержимое на тарелку. Фокус простой. Яичница, остывая, впитывала масло и набухала, становилась пышной и симпатичной. Как Алена, бывшая жена.

Леониду пришло в голову, что он никогда не сравнивал людей с блюдами. Наверное, потому, что сквозило в этом нечто людоедское. С другой стороны, почему бы не сравнить кого-то с милым пельмешком, например, или сдобной булочкой? Или с черствым сухарем. Довольно распространенные метафоры.

Леонид попытался подобрать сравнение для себя и озадаченно застыл. Сухарь? Поэтому Алена и ушла, не сумела разгрызть? Нет, ушла она по другой причине. Да и сухарем Леонид не был, разве что внешне.

Нет, даже внешне не был. Выглядел он не слишком упитанным, но и не сухим. Скорее таким поджарым спортсменом-любителем из тех, что до самой смерти бегают по утрам в растянутых трениках и нелепых шапочках с гребешком и обливаются водой вне зависимости от сезона.

«По итогам прошедшей в Берлине конференции была принята резолюция...»

Телевизор включился сам, по таймеру. Леонид не любил будильники, пусть даже новые технологии предлагали установить вместо противного звона любую мелодию. Но и внутренним часам он не доверял. Негромкое бормотание новостного канала в такой ситуации представлялось оптимальным вариантом.

«Председатель Коммунистической партии Германии товарищ Ангела Меркель выразила надежду на дальнейшее укрепление тесных дружеских связей между Германской Демократической Республикой и Советским Союзом. В ответном слове генеральный секретарь ЦК КПСС, президент СССР товарищ Владимир...»

Леонид щелкнул пальцами, и канал переключился. Слушать официальную хронику с утра – увольте, сначала хотя бы завтрак. И нет тут никакого противоречия. Просыпаться под бормотание новостного канала – это вовсе не значит, что под государственные новости. Вообще-то к этому времени новости обычно заканчивались и начинались какие-нибудь аналитические или просветительские программы. Это сегодня «телевизионные деятели искусств» почему-то вышли из регламента. Интересно почему? И почему вдруг снова тишина?

Сообразив, что второй канал молчит, Леонид обернулся. На экране телеобоев, то есть вдоль всей правой стены столовой, выстроились в ряд семь объемных цветных столбов. Как из учебной программы по физике. «Каждый охотник желает знать...»

Между столбами змейкой просачивалась бегущая строка: «Уважаемые зрители, на канале профилактика, приносим извинения за неудобства».

Леонид жестом сменил программу, но получил новую заставку, теперь интерактивную, в виде несложной игры в лопающиеся пузырьки. Поводив пальцем, он выстроил несколько линий и вновь сменил канал. Угадайте, что он увидел?

Очередные извинения за доставленные неудобства были подкреплены картинкой электронной версии газеты «Правда», причем ее позволялось листать так же, как в Интернете, вот только уйти на другие страницы Всемирной сети оказалось невозможно.

Леонид для приличия покрутил новостную ленту.

«Фермерское объединение имени Калинина досрочно выиграло социалистическое соревнование за 2022 год с кластером совхозов Ульяновской области...»

«Автоматические системы госприемки ГОСТ-1100 внедрены на всех предприятиях государственного сектора – знаменитое советское качество поднято на новую ступень. Чем ответят японцы?...»

«В ответ на учения НАТО армии стран Варшавского договора проводят совместные учения с войсками Красного Востока: Китая, Кореи, Вьетнама, Кампучии, Лаоса и Малайзии...»

«Новое обострение ситуации на границе Соединенных Штатов и Калифорнийской республики; президент Калифорнии Сталлоне призывает ООН принять резолюцию, осуждающую...»

Опять политические новости. Леонид вздохнул, особым жестом переключил телевизор на внутреннюю сеть дома и набрал на объемной проекции нужный номер. Сосед из семьсот двадцать пятой ответил, но на разговоры надеяться не приходилось, он уже стоял в коридоре. Камеры в квартире у соседа стояли хорошие, производства рижского завода «ВЭФ», поэтому объемная картинка получалась просто изумительная. Казалось, что соседская прихожая начинается вот прямо здесь, в столовой у Леонида.

– Сегодня пораньше убегаю, извини, Леня. – Сосед пригладил свой принципиально не редеющий и не седеющий ершик на макушке. А ведь ровесник! Прав был академик Лысенко, пусть его и разоблачили как шарлатана, «продажная девка империализма» эта генетика. – Начальник не с той ноги встал. Вечером встретимся, лады?

– Договорились. – Леонид кивнул и тоже провел рукой по макушке. Изрядно просветлевшей, и это всего-то к тридцати. – Один вопрос, Никита. Что сегодня за профилактика по всем каналам, не знаешь?

– Не знаю. – Сосед обулся и повесил на гвоздик обувную ложку. – Союзмультфильм-ТВ работает. И по Первому новости идут. Ты полистай еще. Давай, пока!

Леонид вернул телевизионную картинку Первого канала. Политические новости, к счастью, закончились, начался обзор спортивных и прочих событий. Для завтрака самый лучший фон, особенно если ты вообще не интересуешься спортом.

«Две тысячи двадцать второй объявлен годом здоровья, поэтому спорту и профилактике заболеваний уделяется повышенное внимание. Все сотрудники государственных учреждений и силовых ведомств проходят тотальный медосмотр. Приятным бонусом для всех становится бесплатная витаминизация... рассказывает начальник госпиталя МВД...»

– Витамины, особенно в межсезонье, – это основа здоровья. Профилактический медосмотр у нас всегда завершается приятным сюрпризом. Всем желающим мы выдаем витамины, либо ставим капельницы.

– Вы проводите осмотр исключительно своих сотрудников?

– Вовсе нет. В рамках программы «Год здоровья», воспользоваться этой услугой в нашем госпитале могут граждане любого рода занятий...»

Новость о годе здоровья имела к спорту вроде бы косвенное отношение, но, если задуматься, лежала в основе. Ведь ради чего люди занимаются спортом, если по большому счету? Ради здоровья.

Блок сюжетов о здоровье продолжился репортажем со станции переливания крови. Несколько автобусов привезли целый батальон военнослужащих. За всех ответ держал какой-то бравый майор.

«– Это наша традиция. Сдаем кровь, как и положено, раз в полгода. Народ и армия едины, и мы понимаем, что на наших плечах лежит ответственность не только за внешнюю оборону страны. Мы должны помогать, чем способны, и внутри страны.

– Донорам выдают шоколад?

– Да. – Майор сурово улыбнулся. – В наших пайках он тоже есть, поэтому мы отдаем шоколад в школьные столовые. Нам достаточно, что каждому донору потеря крови частично восполняется витаминным коктейлем...»

Леонид ковырнул вилкой остывающую яичницу. Ораторы из военных выходили редко. И завтрак с Первым каналом становился приятным, только когда начиналась утренняя гимнастика с Алиной Караваевой. Жаль, что дальше остужал настроение прогноз погоды от метеоцентра с пугающим названием «Деймос»¹.

«Еще «Фобосом»² себя назвали бы, вообще была бы веселуха! – подумалось Леониду. – И рекламу им: вы до сих пор не боитесь погоды? Мы вас научим!»

Завтрак закончился под звуки гимна. Ночной блок программ сменился утренним. То есть опять начались новости.

Леонид вздохнул и выключил телевизор. Отправляться на работу не спешил. На сегодня планировалась трудовая вахта в Ленинской библиотеке, которая открывалась только в восемь. То есть в запасе оставался час с лишним. В принципе, Леонид мог потратить время на дурака-

¹ Ужас (греч.).

² Страх (греч.).

валяние в Сети: почитать «сводки с полей», пробежаться по лентам форумов, оставить десяток-другой комментариев под новостями из жизни виртуальных друзей. Но «внутренний комсомолец» требовал потратить время с пользой.

Леонид переместился из столовой в кабинет, уселся в потертое, но крепкое импортное кресло и включил компьютер. Старенькая «Вега-1020» очнулась нехотя и даже чем-то скрипнула, словно укоряя владельца за нещадный график эксплуатации.

«Только в полночь перевел меня в режим сна и опять за работу? Совесть есть? Почему же не пользуешься?»

Леонид в который раз мысленно пообещал себе, что с ближайшей полочки купит для работы новый компьютер, посерьезнее, может быть даже дорогий «Горизонт», а уставшую «Вегу» оставит исключительно для пасьянса, и открыл рабочую папку.

Материала для большого исторического исследования набралось уже предостаточно. В распоряжении Леонида имелись копии реальных документов, записи неформальных бесед, протоколы собраний, отчеты, сводки, выдержки из электронных журналов, газетные вырезки. Еще поднакопился приличный объем звуковых дорожек интервью, фотографий, плюс кадры хроники, несколько объемных видеозаписей, подаренных киношниками, и дюжина плоских фильмов, снятых реконструкторами-любителями.

Не хватало всего одной детали. Небольшой, но очень важной. Пожалуй, даже более важной, чем весь остальной материал.

Как раз за этой деталью Леонид и собрался в «Ленинку». Да, прямиком в специальный зал, куда без пропуска, завизированного КГБ, не войти, будь ты сам президент. Хотя нет, президент войдет, он ведь главнокомандующий всеми силовыми структурами, включая КГБ. А вот председатель Совмина, например, без пропуска – давай, до свидания.

Чего стоило начальству Леонида выбить этот пропуск – история умалчивает. Ушло на все про все больше месяца. Лишь когда начальство догадалось «прикрутить» тему исследования к столетию образования СССР, учитывая, что исследование было о Великой Отечественной, следовало сказать не «прикрутили», а «притянули за уши», и это дело завизировал Московский горком партии, двери специального зала Ленинской библиотеки со скрипом приоткрылись.

«Интересно, что там приготовлено в ответ на мой запрос? Пообещали, что подберут больше двух десятков документов. Насколько они расширят мои прежние знания? Есть ли среди прочих главный документ, именно тот, который мне нужен?»

Леонид открыл нечто вроде конспекта своего исследования со списком оставшихся вопросов. Постепенно список становился короче, а «шапка» претерпевала изменения, но суть оставалась прежней, поскольку она же была заявлена темой исследования. Как говорится, «взвешена, отмерена... завизирована».

Леонид вновь пробежал взглядом по тезисам.

«Немецкое секретное оружие: двухступенчатая межконтинентальная баллистическая ракета с ядерной боеголовкой ФАУ-2А10. ТТХ в сравнении с ФАУ-2 и возможности модификации.»

Провал разведки союзников, не сумевшей отследить передачу Германией в 1944 году трех снаряженных экземпляров ФАУ-2А10 милитаристам Японии для испытаний.

История предотвращения ядерной развязки Второй мировой войны на территории Европы. Успешная операция советской военной разведки в феврале 1945 года, захват ядерного оружия в Кенигсберге. Предотвращение запуска нацеленной на Москву двухступенчатой баллистической ракеты с ядерной боеголовкой ФАУ-2А10.

Катастрофический ответ на удар Соединенных Штатов по Хиросиме в августе 1945 года. Ядерный удар Японии по Калифорнии и его последствия.

Мирный договор с Японией и капитуляция Германии...»

Конспект обрел почти окончательный вид. Во всяком случае, на данный момент ничего менять Зимин не собирался. По всем пунктам Леонид провел серьезный анализ, собрал множество данных.

Особенно о последствиях ядерного удара по Лос-Анджелесу. С этим вообще не возникло проблем. О современных последствиях – вялотекущем пограничном конфликте между отделившейся в сорок шестом году Калифорнией и США говорили во всех новостных передачах всех каналов почти ежедневно. Семьдесят семь лет прошло, а Штаты не могли успокоиться, хоть ты тресни, что Калифорния сказала: «На хрен мне объединение, которое не может защитить» – отделилась.

Может быть, поэтому Леонида уже тошнило от новостей. Из-за перебора информации по одной и той же теме.

Собственно, в исследовании оставался неясным только один момент. Как наши военные разведчики сумели захватить немецкий пусковой комплекс с готовой к старту ядерной ракетой ФАУ-2А10? Оборону объектов в Кенигсберге немцы выстроили такую, что прорваться было попросту невозможно. То есть совсем никак. Даже если бросить все силы двух фронтов на один участок. Для примера: чтобы сорвать высадку союзников в Нормандии, немцам потребовалось на порядок меньше совокупной военной мощи, чем было сосредоточено в системе фортов Кенигсберга, в так называемой его «ночной рубашке». А уж Форт-3, где находилась стартовая площадка, нацисты охраняли даже серьезнее, чем фюрера.

И все же наши сумели. Как?

Всего один вопрос, но для исследования очень важный. Ведь в доступных источниках ничего об этом не говорилось. «Блестящая операция, военная разведка, совершенно секретно»... вот и все комментарии.

«А ведь подвиг был беспрецедентный. Разве справедливо, что его замалчивают?»

Леонид взглянул на часы.

«Все, время высидел, можно двигаться».

Он свернул объемную экранную проекцию и вновь «уложил» компьютер «баиньки». Засыпая, «Вега» опять подозрительно скрипнула. Но теперь показалось, что с благодарностью...

Сегодня Леонид решил добираться общественным транспортом. Искать стоянку в центре – себе дорожке. Проходя мимо скучающего черного «Орла», Леонид похлопал машину по капоту и проронил только им двоим понятное «завтра бахнем».

Автомобиль, вернее, его бортовой компьютер опознал владельца и подмигнул светодиодными фонарями. Почти сразу на личный телефон Леонида пришло сообщение в диалоговой программе «Разговорчики». Абонент по прозвищу Железный Орел прислал сообщение: «До Бахи³ дальше, чем до Пекина задним ходом, лучше нюрбургрингнем»⁴.

Леонид усмехнулся. Машина ему досталась разговорчивая. Искусственный интеллект «Орла» прогрессировал, как советская космонавтика, день ото дня. Продавцы в магазине утверждали, что это напрямую зависит от владельца. Если побольше разговаривать с машиной, она будет набираться опыта, можно даже сказать – уметь. Ну и в Сеть ее надо иногда выгуливать. Не только чтобы изучить дорожную обстановку, а просто так, поездить виртуально по разным страницам, для общего развития.

Леонид, похоже, говорил с машиной даже больше, чем следовало. А доступ в Сеть он вообще не ограничивал. «Орел» всегда стоял в зоне действия домашнего раздатчика сигнала, платить лишние деньги за самообразование машинного компьютера не приходилось. Бонусом

³ Баха – город в Мексике, место проведения автогонок.

⁴ Нюрбургринг – гоночная трасса в Германии.

стала связь через тот же раздатчик с другими компьютерами Леонида: с домашним, с «Вегой» и с «Электроникой», которая только называлась личным телефоном, а по сути являлась именно компьютером. Только маленьким, с наручные часы.

Проходя через турникет метро, Леонид приложил «Электронику» к считывателю и, почти не сбавляя ход, двинулся к эскалатору. Да, пользоваться личным телефоном как электронным кошельком давно считалось пережитком прошлого, двадцатым веком, но на вживание микропроцессора Леонид все никак не решался. Он как бы застрял в промежутке между гражданами прогрессивными, на лету схватывающими все новые веяния в советской науке и технике, и теми, кто до сих пор таскал в кармане громоздкие телефоны вроде «Ермака», «Хазара» или импортного «Самсунга».

Впрочем, Леонид не беспокоился, что станет объектом насмешек. В Москве мало кто на кого обращал внимание. Сюда со всего мира съезжалось человечество самых разных уровней прогрессивности. Некоторые товарищи, а иногда и господа, вовсе не имели ничего электронного в кармане, на запястье или внутри него. Таким гостям столицы прямо на вокзалах или в аэропортах выдавались бесплатные примитивные «звонилки» с дополнительной функцией кредитных карточек.

Очувтившись на эскалаторе, Леонид привычно скользнул взглядом по сводам тоннеля. Вдоль эскалатора по телестенам наклонного тоннеля вот уже который день вместо рекламы плыли красочные картинки: подборка плакатов за всю столетнюю историю Советского государства. Реклама тоже присутствовала, куда без нее, проклятой, но только бегущей строкой или всплывающими узкими окнами.

Это выглядело забавно. Плакат довоенных времен и под ним реклама «Пепси». Или же патриотическая картина из пятидесятых, с борцами за урожай на фоне собственно урожая, а внизу реклама дамских духов «Шанель».

Интересно, чем реально пахли целинные труженицы на поле урожайной битвы?

«Ешьте плоды фейхоа, они питательны и полезны». «Летайте самолетами Аэрофлота». «Отдыхайте в здравницах Крыма». «Занимайтесь физической культурой». Из этих призывов конца пятидесятых только первый имел хоть какое-то оправдание. Народу требовалось показать на рисунке и обосновать смысл употребления экзотического юго-восточного плода. Все остальное в те времена, за пару лет до внедрения Новейшей Экономической Модели, было безальтернативным и волевым по определению, а потому не требовало напоминаний или призывов.

«Фейхоа. – Леонид усмехнулся. – Сойдет за новое ругательство. Какого фейхоа?! По моему, неплохо звучит».

Взгляд снова скользнул по рекламе и плакатам. Совпало только однажды. Плакат из семидесятых, посвященный покорению дальнего по тем временам космоса – Луны, сопровождала современная виртуальная растяжка по нижнему краю. «Объявлен очередной, 57-й набор в отряд гражданских космонавтов по Программе освоения Луны. Требования к соискателям – на странице Постоянной Лунной экспедиции. Море Спокойствия ждет!» И электронный адрес.

Про Четвертую Марсианскую экспедицию реклама умалчивала. Оно и понятно. Хотели подгадать к столетию образования СССР. Пока все шло по плану, но заранее об этом трубить не резон. Не из суеверий, что за вздор. Просто в советских СМИ так принято: сначала факт, потом резонанс, а не наоборот, как у буржуев. Там иногда шумиха поднимается и вовсе без факта, лишь бы чем-то развлечь обывателей.

Расчетное время прибытия на Марс – девятнадцатого декабря, значит, числа двадцать первого, незадолго до праздника, и объявят, если не будет сбоя, как в момент высадки Второй экспедиции. Тогда посадочный модуль сел на Красную планету жестко и в сотне километров от расчетной точки. Все выжили, но потребовалась почти неделя, чтобы перетащить грузы, а затем и сам поврежденный модуль в базовый лагерь.

Леонид покинул эскалатор и вошел в вагон. Едва слышно и все равно как-то хищно пшикнули двери, запах перрона сменился приятным ароматом кожаных сидений, нового пластика и чего-то еще... едва уловимого, но прямо-таки радующего.

«Чуть-чуть закиси азота?»

Леонид усмехнулся. Глупая мысль, конечно. Зачем исподтишка веселить газом тех, кто и так доволен жизнью? Эти ухищрения сейчас к месту на той стороне океана. Там снова кризис... который уже... третий с начала века или четвертый? Вот уж не позавидуешь и пожелаешь держаться, хоть они и буржуи... чисто по-человечески.

Внутри вагонов никакой рекламы не высвечивалось, но этого и не требовалось. Народ почти поголовно пялился в телефонные экраны. Исключение составили две категории: те, у кого телефоны слишком старые, и те, кто пытался выглядеть модным. Обе эти категории читали книги. Одни – электронные, на экранчиках своих примитивных устройств, а другие – в натуральном виде.

С некоторых пор это стало считаться высшим пилотажем: прийти куда-нибудь с настоящей бумажной книгой в кармане и демонстративно листать ее, пока все остальные залипают, словно мухи в сиропе, в электронной сети. В чем тут особый скрытый смысл, Леонид не понимал. Видимо, перерос этакие спектакли. В смысле – вырос из них.

Выйти из метро через нужный павильон всегда было для Леонида проблемой, но сегодня он угадал, вышел напротив памятника Достоевскому.

Даже с десяти метров огромный памятник не выглядел внушительным, поскольку терялся, как и вся прочая архитектурная мелочь, включая кремлевские стены и башни, на фоне захватывающего дух строения – Дворца Советов. Говорят, война внесла свои коррективы в смету строительства этого колосса, и вместо запланированных архитектором Иофаном четырех сотен метров в высоту его взметнули всего на триста пятьдесят, но и этого оказалось достаточно, чтобы каждый раз, поднимая взгляд на это грандиозное строение, человек ощущал, как у него замирает сердце и холодеют пятки. В сравнении с Дворцом Советов остальные двадцать «сталинских» высоток из Ожерелья Победы, как их называли в прессе, а также здание МГУ и даже современные свечки и спирали Москва-Центра выглядели игрушками.

Леонид коротко выдохнул и опустил взгляд к библиотечному парадному подъезду, над которым алел видеоплакат с золотыми буквами: «Ленинские чтения, посвященные образованию Советского государства. Создание СССР как окончательная победа Великой Октябрьской социалистической революции. С 1 августа ежедневно с 17.00 до 21.00. Вход свободный».

Леонид прикинул и понял, что начиная с 1 августа, то есть с завтрашнего дня, на самом деле свободный вход в библиотеку будет перекрыт аж до 30 декабря. Разве что в один из залов. А во все прочие будут запускать не как обычно, по читательским билетам, а строго по пропускам. А то и строже будет, все прочие залы вообще закроют от греха подальше. Кому очень надо, идите виртуально на официальную страницу. А с живыми книгами или документами поработаете после праздника. Не облезете.

Так называемые усиленные меры безопасности принимались всегда, везде и каждый раз, если намечался праздник или крупное мероприятие. Даже в небольших учреждениях. Что тут говорить о главной библиотеке страны, в которую на такое мероприятие, как Ленинские чтения, будут ежедневно приходить тысячи человек. И это считая только своих, а сколько будет туристов! Одних товарищей из Китая устанешь пересчитывать. У них идеологический туризм – любимое занятие.

Столь раннего посетителя в вестибюле библиотеки встретил сначала наряд милиции, а затем охранники в штатском и строгие тетеньки за турникетом. Направляясь Леонид в обычный зал или будь у него вживлен чип, процедура допуска в святая святых прошла бы намного быстрее. А так пришлось десять минут переминаясь с ноги на ногу, ожидая, пока неторопливые служители печатных муз проверят все данные.

Наконец у бдительных церберов все сошлось, и одна из строгих тетенок проводила Леонида в спецзал. Она же выдала ему карточку посетителя и приготовленную стопку серых папок. И даже улыбнулась, пусть и дежурно:

– Успехов в работе, товарищ Зимин.

Леонид встретился с ней взглядом и вдруг отметил, что никакая она не «тетенька». Молодая и симпатичная брюнетка с голубыми глазами – очень эффектное сочетание.

Просто серая библиотечная униформа добавляла ей с десяток лет, это минимум.

– Разрешите вопрос... э-э... – Взгляд опустился к значку на лацкане форменного жакета. – Варвара Александровна...

– Слушаю вас. – Библиотекарка откинула прядь волос, почему-то выпавшую из строгой прически. Случайность или намеренное нарушение? Зачем? Чтобы не выглядеть совсем уж казенной куклой?

– Если мне понадобятся еще какие-то документы...

– Оцифрованные варианты вы сможете найти во внутренней сети библиотеки. Только не вздумайте их копировать. Вы можете использовать копии тех документов, которые вам выданы. Все остальное разрешается прочитать и запомнить, в крайнем случае законспектировать, не более того. Письменные принадлежности – в ящике стола.

– Если я изложу свою интерпретацию, не подкрепляя хотя бы ссылкой на документ...

– Пострадает достоверность. – Варвара Александровна кивнула. – Понимаю, но таковы правила.

– Я смогу взглянуть хотя бы на оригиналы, а не цифровые копии?

– Зачем? – Библиотекарка удивленно вскинула брови. – Впрочем, как пожелаете. Вам выделено рабочее место как раз напротив стеллажа, где хранятся нужные документы. Все папки датированы. Синяя тоже. Если возникнут еще вопросы, обращайтесь, я на сегодня ваш куратор.

Варвара Александровна указала на свой значок и еще раз улыбнулась. Леонид поднес «Электронику» к значку, и умный приборчик отсканировал объемный код, нанесенный чуть ниже имени служащей. Кроме плоского фото, фамилии, имени-отчества, года рождения, семейного положения и подтверждения очевидного – пола, на экране появилась строчка с должностью, званием по табели о рангах госслужащих и номером личного телефона.

Заинтересовали Зимина четыре цифры и два слова: год рождения и семейное положение «не замужем». Ну как заинтересовали... просто невольно принял к сведению. Без всякой задней мысли. Наверное.

– Спасибо. – Леонид свернул экранную проекцию и откланялся.

* * *

Устроиться за столом оказалось нетрудно. Библиотечное рабочее место мало чем отличалось от домашнего. Румынский стол, советский компьютер почти такой же модели, как дома, и удобное китайское кресло, похожее на домашнее даже веселенькой расцветкой – желтые и красные звездочки на лиловом фоне. В строгом интерьере государственной библиотеки кресло выглядело чужеродно, однако, как заметил Леонид, это не считалось исключением из правил. Почти все прочие кресла имели схожий вид. Наверное, в этом таился какой-то скрытый смысл. Может быть, яркие цвета психологически разгружали сотрудников, вынужденных целыми днями созерцать скучноватые однообразные интерьеры госучреждения и ряды унылых серых папок на стеллажах?

«Серых. – Леонид почему-то споткнулся на этой характеристике и обвел взглядом стеллажи. – На девяносто процентов. Кое-где стоят бежевые и несколько синих. Всего-то с десяток, не больше. Стоп. Почему Варвара Александровна отдельно упомянула синюю папку? Она

сказала, что все папки пронумерованы. Потом взяла мизерную паузу и добавила, что синяя – тоже. Что это значит? Какой-то намек?»

Леонид переложил выданные ему папки с места на место – поочередно, неспешно, внимательно изучая титульные листы и сопроводительные записки. Все было не то! Девять из десяти папок содержали информацию, которую Зимин давно получил из открытых источников. Лишь в одной содержалось кое-что новое, но не по теме. Леонид полистал документы из чистого любопытства или для расширения кругозора, можно сказать и так, закрыл последнюю папку, разочарованно вздохнул и опять поднял взгляд к стеллажу.

«Можно читать, нельзя копировать, – нужный год и месяц отыскался без труда, – а выносить? Не запрещено, значит, разрешено? Или об этом она не сказала, потому что запрещено по умолчанию? Вон та полка... четвертая снизу. И на ней действительно стоят не только серые, но еще две бежевые и одна синяя папка. Воспользоваться подсказкой очаровательной Варвары Александровны? Надеюсь, это не провокация, не проверка на вшивость?»

Леонид отогнал крамольные мысли о выносе секретных документов и скрытой проверке, поднялся и подошел к стеллажу. Сразу брать синюю папку не стал. Выбрал для начала серую, датированную третьей неделей октября 1944 года, затем бежевую за первую неделю ноября и, наконец, вытянул синюю.

Основная датировка на ней выглядела обычно – как раз промежуток между первой и второй, конец октября 1944-го. А вот перечень содержащихся документов пестрил существенным разбросом датировок. Если верить этой описи, здесь хранились документы и за октябрь 1944-го, и за декабрь, и за февраль 1945-го. Это наводило на мысль, что документы объединены по другому признаку. По какому?

«Сейчас выясним. – Леонид вернулся за стол. – Будем читать и запоминать, как требуют правила. Жаль, не одарила природа фотографической памятью».

Первое знакомство с содержимым папки вызвало у Леонида смешанные чувства. Он понял, что наткнулся на нечто исключительное, но в чем конкретно заключается особая ценность документов, до него никак не доходило. Что-то постоянно ускользало, какое-то связующее звено между всеми этими странными рапортами, записями дневникового формата, справками, листами, вырванными из рукописных журналов, страницами машинописного текста без заголовков и газетными вырезками. Лишь когда Леонид обратил внимание на рукописные пометки на полях и сообразил, что в большинстве своем они сделаны одной рукой, в голове забрезжил намек на озарение.

Леонид вернулся к титульному листу и начал просматривать документы заново, вчитываясь во все, что было написано на полях, а иногда в буквальном смысле между строк. Очень скоро новый подход принес свои плоды – наметившееся озарение... скрылось в мутной дали! Как сегодняшний рассвет, который наступил, но где-то там, за пеленой утреннего тумана.

Нет, с газетными вырезками, журнальными листами и рапортами Леонид разобрался. Они как бы создавали фоновую картину героического времени. Но вот с машинописным текстом, обильно украшенным комментариями от руки, возникла серьезная проблема. Леонид взял один из листов, как наиболее красочный образец, и уставился на него, пытаясь осознать, что же конкретно видит.

Написанные от руки комментарии не только отказывались стыковаться с машинописным текстом, они не складывались в предложения и на полях. Да и машинописный текст больше походил на стенограмму заседания в сумасшедшем доме, исписанную каракулями невменяемого редактора. То есть оба текста казались полнейшим бредом.

Дополнительной сумасшедшинки опусу придавал тот факт, что «редактор» строчил свои комментарии разными карандашами. Местами он использовал простой, местами – химический, а кое-где синий. В глаза эта странность не бросалась, но была все-таки заметна. А ума-

лишенная машинистка, набирившая печатный текст, ставила не к месту точки и незакрытые скобки. Тоже непонятная деталь.

«И это хранится в специальном архиве? Скорее место этой папки в музее психиатрии, а не здесь. Или в отделе ребусов и кроссвордов».

Леонида вдруг окатило горячей волной. Озарение все-таки пробилось сквозь туман и оказалось жарким, как июльское солнце. И таким же ярким. Захотелось даже зажмуриться.

«Ребус! Как же я сразу-то... Ребус! Шифр! Вот в чем подвох! Здесь несколько групп слов. Надо выстроить их в определенном порядке, и текст обретет смысл. То есть нужно найти ключ».

Леонид взял из ящика стола чистую бумагу и ручку. Чтобы найти ключ к шифру, ему требовалось определить первое слово.

«Вернее, сначала надо понять, какую группу считать первой: машинопись, рукописный текст простым карандашом, химическим или синим, то есть цветным. Если по алфавиту, сначала идет буква «м», машинописный текст».

Леонид выстроил первую строчку по найденной формуле, но получился все тот же бред.

«Чего-то не учел? Чего? Почему, интересно, имеем три варианта карандашных групп, но только один машинописный? Стоп. А если взять слова с неуместными точками посередине и скобками в начале? Тогда первое слово будет машинописное, затем простой карандаш, слова со скобками, с точками, химический карандаш и цветной. Так? Нет?»

Леонид списал выбранные слова и удивленно уставился на бумагу.

«Сосновый лес удобен по всем статьям...»

Пожалуй, эта фраза выглядела вполне осмысленной!

«Дышится легко, видится далеко, слышится отчетливо...»

Леонид мысленно себе поаплодировал. Шифр оказался несложным, но ведь раньше заниматься расшифровкой Зимину не приходилось, никаких правил и хитростей этого дела он знать не знал. Да что там, даже ребусы не любил разгадывать. И вдруг все получилось практически с первой попытки. Новичкам везет? Леонид снова склонился над зашифрованным документом и выбрал кусок текста чуть ниже.

«Капитан Филин остановился, жестом приказал группе «замри» и прислушался. Где-то вдалеке, не понять на каком направлении, рокотали моторы. Большие моторы, тяжелые, мощные...»

Глава 2

Октябрь 1944 года, Восточная Пруссия, участок 3-го Белорусского фронта

Из журнала боевых действий 28-й армии:

«...ВЫВОДЫ:

1. Противник, опираясь на заранее подготовленные рубежи и усиленно совершенствуя их в инженерном отношении, обороняется на подступах к Гумбиннен. Не проявляя активности живой силой, противостоящие войскам армии части противника оказывают упорное сопротивление действиям наших отрядов, ведут методический артиллерийский и минометный огонь и огневые налеты по нашим позициям.

2. Армия обороняется на достигнутых рубежах, имея в первой линии два стрелковых корпуса, с задачей не допустить прорыва пехоты и танков противника, измотать и уничтожить атакующего противника в оборонительных боях на подготовленных рубежах, в готовности всеми силами перейти в решительное наступление.

Производя частичные перегруппировки сил, войска армии на отдельных участках ведут активные действия по улучшению своих позиций.

3. В соответствии с планом обороны армии войска выполняют оборонительные работы с целью создания глубоко-эшелонированной траншейной обороны.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Отчетные карты действий войск 28-й армии за октябрь 1944 года...»

Сосновый лес удобен по всем статьям. Дышится легко, видится далеко, слышится отчетливо. Последний аргумент мог бы стать минусом, ведь хорошо слышишь не только ты, но и враг. Каждое слово, треск сучьев под ногами, даже шорох или отзвук шумного выдоха разносятся очень далеко. Но если молчать, дышать ровно и ступать по сосновым корням, удастся идти почти бесшумно. И на мину при таком способе передвижения не нарвешься. Тоже, получается, не напумишь без нужды.

Но главное преимущество соснового леса – сами сосны. В здешних местах они качественные: толстые, высокие, прямые – корабельные. Укрываться за такими деревьями надежно. Факт.

Капитан Филин остановился, жестом приказал группе «замри» и прислушался. Где-то вдалеке, не понять на каком направлении, рокотали моторы. Большие моторы, тяжелые, мощные. Филин улавливал даже не столько рокот, сколько колебания земли. Упругие колебания, солидные, такие, что бьют в пятки и отдаются где-то в глубине живота.

Танки? Филин незаметно кивнул, отвечая самому себе на мысленный вопрос. Они самые. Другой вопрос: из какого вражьего соединения эти танки? Точно напротив позиций дивизии, в которой служил Филин со товарищи, дислоцировалась 1-я танковая и 131-я пехотная дивизии противника. И где-то здесь же, по расчетам штаба, только чуть глубже, стоял в резерве танковый корпус СС «Герман Геринг». Запросто могли рокотать танки этого самого резерва. Запросто. Понятно, что, пока не увидишь глазом, сведения недостоверные, в рапорт не впишешь, но самому себе можно сказать.

Филин обернулся, взглядом отыскал старшину Бадмаева и жестом указал направление. Не совсем по намеченному маршруту, но и не слишком далеко в сторону. Приемлемо. Да и

какой выбор? Если за лесом идет сосредоточение механизированных частей противника, а разведка это пропустит – грош ей цена.

Основные ориентиры капитан запомнил хорошо, но все-таки достал карту.

Итак. Прямо за лесом проходит железная дорога, а чуть правее располагается небольшая станция; ничего особенного, несколько заброшенных домов, пара запасных путей да водонапорная башня. Когда-то это был крупный разъезд, но после реконструкции «железки» в середине тридцатых основная ветка пролегла севернее, а эту оставили как вспомогательную. Казалось бы, расточительно, однако уже тогда практичные немцы знали, что пригодится дополнительный путь на восток. Одного не просчитали, что согдится ветка и как путь на запад, когда Красная армия погонит захватчиков штыком и гранатой обратно в их логово.

Взгляд скользнул по карте и остановился на пунктирной линии. Ею была отмечена граница Восточной Пруссии, то есть Германии. И граница эта пролегла восточнее линии фронта. Не так чтобы намного, но все-таки.

«Три года топали. – Филин вздохнул и закрыл планшет. – Так и не сфотографировал меня Курочкин у пограничного столба. Жаль. Других-то особых примет, что тут Германия, не осталось, все вывески посбивали, а где фрицы пока – там Курочкина с его «лейкой» уже не будет. Шальная пуля не спросила, нашла лейтенанта в первый же день наступления. Судьба».

Старшина Бадмаев вдруг немного присел и поправил капюшон маскхалата, словно собираясь высвободить из-под завязки левое ухо. Капитан уловил движение подчиненного боковым зрением, но не стал оборачиваться. За линию фронта со старшиной он ходил не один десяток раз и выучил все повадки бурятского охотника. Если Бадмаев напрягся, значит, что-то учуял. Существенное что-то. Вот и достаточно. А что там конкретно уловил старшина, «выяснится самостоятельным образом», если выразаться на манер начальника разведки подполковника Васнецова. Мужика толкового, умного, только больно охочего до изящной словесности, как он сам это дело называл.

Филин все-таки покосился, но не на старшину, а на третьего члена группы, на ефрейтора Покровского. Боец тоже заметил, что Бадмаев сделал стойку, как собака, взявшая верховой след. Но озадачиваться Покровский не спешил, срисовывая поведение с командира.

Покровский в группе появился недавно и пока притирался, используя старый надежный метод «делай, как командир». Филина это устраивало. Да и по всем прочим статьям Покровский был нормальным бойцом, вполне годным для разведки. На фронте третий год, молодой, выносливый, котелок варит. Смущали пока лишь два обстоятельства: это вот упорное желание работать третьим номером и отдаленная родственная связь с упомянутым подполковником Васнецовым. Филин сразу сказал начальству, что нянчить племянника, или кем он там доводится, не намерен, на что получил твердое указание «работать на результат, а не на продвижение по службе ценных для начальства кадров».

– Хотел бы его опекать – пристроил бы в штаб. – Взгляд у подполковника в тот момент был строгий, честный и даже без обычной ироничной искорки в глубине. – История долгая, семейная, поэтому поверь моим финальным умозаключениям. Алексею надо войти в жизнь трудным путем.

– Путь может и оборваться, – с обычной своей прямоотой заметил Филин. – Разведка дело опасное.

– На фронте везде опасно, даже в медсанбате. – Васнецов как-то странно усмехнулся, с какой-то скрытой горечью. – А рядом с тобой, Никита, пусть и в разведке, может быть и безопаснее.

– Не перехвалите.

– Тебя перехвалить – проще лом перекусить. Так что забудь, кем ефрейтор Покровский мне приходится. Он парень подготовленный, надежный, исполнительный. На этом наборе аргументов и сойдемся.

На этом и сошлись. И что интересно, Филин получил ровно то, что пообещал ему подполковник Васнецов. Вот только забыть о родстве Леха и начальства никак не получалось. Обычно все лишнее Филин выбрасывал из головы с завидной легкостью, а тут – никак. Может, потому, что имел особого рода подозрение?

Нет, не такое, что в пору писать рапорт в Смерш. Просто у «племянничка» фамилия была не Васнецов, а Покровский. Как у начальника штаба фронта. И внешне Леха напоминал начштафра очень сильно. Куда как сильнее, чем Васнецова. Все эти родственные игры не касались Филина напрямую, да и косвенно не сильно трогали, но выкинуть интригу из головы он не мог.

Старшина Бадмаев чуть подался вперед, сделал пару бесшумных шажков, одновременно приседая еще ниже, опустил на четвереньки, затем и вовсе лег на живот и пополз в заросли. Вообще-то Филин не отдавал приказа «посмотреть, что там впереди», но тут выпал особый случай, капитан мог не сомневаться. Если пожилой, по меркам двадцатипятилетнего капитана, и коренастый охотник Ашир Бадмаев вдруг становился юрким, как змея, и уползал, не спрашивая разрешения, значит, дело того стоило. Чаще всего из таких вот пластунских рейдов старшина возвращался с «языком».

Филин жестом приказал Покровскому замереть на месте, а сам прошел чуть вперед, почти до точки, где исчез Бадмаев.

Тяжелое колебание воздуха и легкое сотрясение земли на новой позиции ощущались иначе. Это был не рокот танковых моторов, нет. Где-то за деревьями действительно двигалось нечто тяжелое и лязгающее металлом, но только не на гусеничном ходу.

На рельсовом! Филина вдруг словно осенило. Поначалу его обмануло отсутствие паровозного пыхания и перестука колес на рельсовых стыках. И этот звук, похожий на гул тяжелых моторов, тоже сбил с толку. Кстати, странный моторный звук никуда не делся, но зато с железной составляющей гула Филин определился окончательно и бесповоротно. Вдоль леса по ту сторону поредевшего частокола деревьев очень медленно, а потому почти без перестука двигался тяжелый состав.

Бронепоезд? Они еще ходили где-то, Филин слышал такие байки, но своими глазами видел бронепоезд только в сорок первом, да и то это был наш, а не фрицевский. Вернее, то, что от него осталось после авианалета – обгоревший остов под откосом.

– Командир, – послышался шепот Бадмаева из зарослей. – Смотреть надо. Ползи давай иди.

С русским языком у Ашира сложились свои отношения, но Филин давно научился понимать словесные «заходы» Бадмаева. Капитан без лишних вопросов улегся на хвойную подстилку и пополз по едва заметному следу старшины.

Бадмаев выбрал единственно верный и предельно скрытный путь. Валежник и неведомая капитану трава зонтичного вида отлично маскировали сверху. Проползать под этими грудями веток и все еще зелеными, несмотря на зрелую осень, «лопухами», если максимально прижаться к земле, получалось так, что ни один «лопух» не шевельнется. Качественная маскировка. Да, старшина выбрал, как всегда, лучший подход к цели.

Едва Филин поравнялся со старшиной, тот раздвинул траву впереди и кивком указал в просвет. Капитан увидел железную дорогу и поезд. Нет, не бронепоезд. Это оказался вроде бы обычный немецкий состав, разве что из пятнисто окрашенных цельнометаллических вагонов. Причем на крыше каждого торчали какие-то короткие трубы метрового диаметра, по две на каждую крышу, а между вагонами, кроме обычных сцепок, протянулись дополнительные провода и шланги.

Филин прислушался. Состав все еще двигался, но земля и воздух больше не сотрясались. Остался лишь гул непонятного тяжелого мотора. Хотя нет, вблизи стали слышны еще кое-какие «напевы». Что-то поскрипывало и не слишком басовито гудело, а еще посвистывали какие-то вентиляторы.

Взгляд капитана вновь поднялся к широким коротким трубам на крышах вагонов. Вентиляторы, если Никита правильно определил, крутились внутри этих труб. А гудело, как холодильная витрина в универсаме, что-то внутри вагонов.

Вагоны с охлаждением? Филин вырос в очень маленьком сибирском городке, единственным предприятием в котором была узловая станция, так что в железнодорожной технике капитан более-менее разбирался и о существовании вагонов-холодильников слышал. Не видел, но хотя бы слышал. И о таких чудесах, как локомотив на дизельной тяге, он тоже слышал. И вот теперь увидел. Это стало новым открытием – состав тянул именно такой локомотив. Сомнения улетучились, когда ветер донес запах дизельного выхлопа.

– Впереди тепловоза платформа с пулеметами, – шепотом и на удивление верно подбирая слова, доложил Бадмаев. Впрочем, дальше он «исправился». – Пять вагона, потом платформа и три вагона окна есть. Еще десять железный вагона и снова окна один. А последний вагон товарняк, только крыша нету. Зенитка есть четыре штука. Большой поезд.

– Тепловоз? – Филин удивленно взглянул на старшину. – Ты уже видел такие? В тайге у себя?

– Читал мало-мало. – Ашир ответил серьезно и вновь кивком указал на поезд. – Вагон гудит. Холодильник, да?

– Похоже на то, – шепнул Филин и едва заметно пожал плечами. – За трупами приехали. Мы им полную загрузку обеспечили. И еще больше будет, когда опять в наступление пойдем. Коротковат состав.

– За трупами не так ехать. – Бадмаев в сомнении качнул головой. – Тут охрана – эсэсовцы. Много штука. Зенитка есть, пулемет, граната на палках. И дышать мертвым надо нету.

– Что значит – дышать? – Никита удивленно вскинул бровь.

– Дырка крыша труба. Это чтобы воздух заходил. Нет? Да? Зачем мертвым трупам воздух?

– А ведь ты прав, Бадмаич, – помедлив, согласился капитан. – Детали подсекаешь качественно. И соображаешь. Хвалю.

– Служу трудовому народу, – совершенно непонятно, с иронией или на полном серьезе ответил старшина.

– То есть слишком умным прослать тебе невыгодно. – Капитан ухмыльнулся. – Хитер басурманин.

– Почему?

– Уже давно «служу Советскому Союзу» положено говорить, забыл? – Филин легко толкнул старшину локтем. – Отходим.

С моментом отхода Филин угадал. Как раз в тот момент, когда разведчики врубили задний ход, двери в вагонах с окнами как по команде открылись, и на черную насыпь старой железнодорожной ветки посыпались солдаты в черной униформе. У капитана мелькнула мысль о весенней пашне и прилетевших грачах.

«Общение с творческими личностями вроде Васнецова даром не проходит. – Никита отогнал лишние мысли, притормозил и попытался подсчитать количество «грачей», хотя бы в десятках. – Под две сотни точно. Прав Бадмаич, не труповозка это. Что-то другое. Что? Леший знает. Но сто к одному – секретное».

Эсэсовцы разделились на две большие группы: одна встала вокруг поезда оцеплением, а другая двинулась в лес. Не по цели, это стало понятно сразу, скорее прочесать на всякий случай, но Филину все равно пришлось окончательно переключиться с умственной работы на физическую и скрыться от «грачей» в зарослях. Пока не заклевали...

Ефрейтор Покровский встретил товарищей укоризненным взглядом, но быстро сообразил, что объяснительные разговоры будут позже, а сейчас надо быстро и бесшумно уносить

ноги. Эту часть курса подготовки разведчика Леха успел освоить на пять баллов, поэтому не подвел старших товарищей. А между тем Филин ощущал печенкой, что Покровского распирают какие-то ценные мысли или наблюдения.

«Ничего, потерпит».

Лишь когда группа проползла по той же ложбинке, которая обеспечила им скрытный переход через линию фронта, и успешно кувыркнулась в наши окопы на передке, капитан дал команду пять минут отдышаться и вопросительно взглянул на Покровского.

– Егеря, – выдохнул ефрейтор и, стянув капюшон, ладонью изобразил козырек над бровями. – На Кавказе видел таких. Форма, эмблемы... горные стрелки... дивизия «Эдельвейс».

– Здесь? – Филин поморщился. – Какого рожна?

– А я почему знаю? – Леха утер со лба пот. – Шли быстро, на восток. И тихо так... ну, как вы умеете. Даже тише. Даже не пытели.

– Быстро и не пытели? – Филин усмехнулся. – И тебя не заметили?

– Я... не понял, – вдруг признался Покровский.

– Что значит – ты не понял? – Капитан подался к Лехе, уставился ему в глаза и понизил голос: – Заметили или нет?

– Вот так прошли. – Ефрейтор ступешевался, отвел взгляд и указал на Бадмаева. – Шагах в пяти. Я остолбенел просто. Неожиданно все получилось. Стрелять – не стрелять... пока сообщал... они ушли. Думаю, начну палить, выдам себя, а там и вас накроют. Потом за нож схватился, да поздно.

– Как мимо столба прошли?

– Так точно.

– Ножку никакая собака не задрала, на столб помочиться?

– Товарищ капитан! – Покровский резко побагровел. – Я ж говорю, начал бы стрелять, всем... конец! Так я подумал. Или считаете, забздел?!

– Сколько их было?

– С десяток!

– А если честно?

– Да что вы меня... за сявку держите?! У меня пять боевых наград и два ранения! Да я...

– Отставить. – Филин крепко сжал Покровскому плечо. – Язык за зубы и дыши носом. Глубоко дыши, это приказ. Десять вдохов и медленных выдохов. Делай раз! Два-а! Раз... два!

Покровский послушно выполнил приказ и на десятом вдохе-выдохе успокоился, во всяком случае, сделался не багровым от гнева, а обрел вполне приличный цвет лица.

– В рапорте ни слова об этом, понял? – совсем тихо сказал Филин. – И устно дяде своему тоже не говори. Надо будет, я сам скажу.

– Не дядя он мне, – буркнул Покровский.

– Все равно – молчок. Скажу, что сам видел егерей или кого-то вроде них.

– Спасибо, товарищ капитан. За мной должок. Отквитаю.

– Это ты брось. – Филин разжал хватку и похлопал ефрейтора по плечу. – Уверен, что «Эдельвейс» это был?

– У них эмблемы... белый цветок на зеленом фоне и ботинки горные. И оружие не такое, как у всех фрицев, облегченное. А еще очки у всех. Темные такие, знаете, сбоку закрытые, чтобы снег не слепил.

– Очки? – Филин коротко взглянул вверх. – Пасмурно. Да и какой тут снег?

– Для форсу, может? – Покровский пожал плечами.

– Ладно, Леха, разберемся с этими егерями. Бадмаев, отдохнул? Тогда, группа, подъем. В штаб, за мной, бегом марш...

Подполковник Васнецов выслушал рапорт Филина внимательно, но с каким-то очень уж необычным спокойствием, почти равнодушием. Будто бы знал все наперед и теперь лишь получал подтверждение своих сведений. В глубине души Никите стало даже немного обидно.

«А если там, в странном поезде, новейшее немецкое оружие, и они применяют его сегодня или завтра? Все успехи наступления псу под хвост? Есть такой риск? Есть. Факт. И отчего ж тогда Васнецов спокоен, как слон персидского падишаха? Может, на «Эдельвейс» отреагирует?»

На сообщение о егерях Васнецов отреагировал почти с тем же «энтузиазмом». Всей разницы – проронил пару фраз в ответ:

– С Кавказа их вывели еще год назад, после того, как мы Нальчик освободили. Где они теперь, точно не скажу. В Европе где-то. Так я слышал.

– Получается, так, да не так?

– А что не так? – Васнецов задумчиво уставился на карту. – Я ж сказал: в Европе. А мы как раз в нее и вошли. С горами в данной местности туго, но ситуации бывают всякие. Иногда особые подразделения требуются и в непрофильных районах.

– У немцев других особых не осталось? «Бранденбург-800», например.

– Ты что, за линией фронта фашистской пропаганды наслушался? – Васнецов понизил голос, выразительно округлил глаза и исподтишка указал на левую стену своего кабинета. За этой стеной находился кабинет начальника политотдела. – Нет такого полка давно. Вернее, есть, только теперь это обычная пехота. Теперь в смысле особых операций вся надежда у Гитлера на эсэсовцев да на всяких горных стрелков. Ну, может, еще на кого-то. Нам это все интересно постольку-поскольку.

– Так я и доложил... эсэсовцы поезд охраняют.

– А егеря?

– А егерей мы видели в лесу. Они параллельно «железке» двигались... я ж говорил...

– На восток, я помню. – Васнецов постучал тупым концом карандаша по отметке у самой линии фронта с немецкой стороны. – Вот сюда предположительно. Аккурат в наш район.

– Ну да. Но ведь это просто пехота. Егеря или нет, что у них при себе, ротные минометы от силы? Танков мы не нашли. За артиллерию не скажу, так глубоко мы не заходили...

– Танки вот здесь. – Васнецов ткнул в отметку на приличном удалении. – Напротив позиций 5-й армии большой резерв припрятан. Прикрывают удобный путь на Кенигсберг. Наш участок не такой торный, зато вот здесь, на стыке с левыми соседями, прикрыт противником слабо, потому и заинтересовал командование.

– И что вам не нравится?

– Вот это и не нравится, Никита. Лес да буераки – не тот рельеф, чтобы немец решил, что нам тут не пройти. Еще не по таким кушарям проползали. И вдруг, поди ж ты, ни укреплений, ни минных полей толковых, ни какой другой эшелонированной обороны. Везде есть, да в десять рядов, серьезнее, чем у Маннергейма была, а тут пусто. Будто бы заманивают нас.

– Или наоборот.

– Или наоборот. – Васнецов кивнул. – Блефуют.

– Что делают?

– На понт берут. Делают вид, что ловушка тут, а на самом деле и впрямь не имеют достаточных сил, чтобы все прикрыть. Имея одни шестерки, изображают лицом, что тузы на руках.

– А-а, теперь понятно. Теперь буду знать, как это по-умному.

– Вот и хорошо. – Васнецов вздохнул. – Иди отдыхай.

– А как же с поездом, Андрей Михайлович? Доложите?

– Доложу, иди. – Подполковник, не отрывая взгляда от карты, махнул рукой. – Вот если бы зайти отсюда, да во фланг... и отрезать фрицев. Все тогда, аллес капут, дорога открыта.

– Вы так и предложите. – Филин притормозил.

– Кто будет меня слушать? Я кто, командующий фронтом? – Васнецов встрепенулся. – Ты еще здесь? Кру-гом! Шагом марш отдыхать!..

Палатка разведчиков стояла в общем ряду, но выделялась тем, что поблизости был сооружен небольшой, покрытый маскировочной сетью навес, под которым стоял стол и две лавки. Бадмаев и Покровский пробыли в штабе считанные минуты, начальство сразу обозначило, что ему будет достаточно рапорта командира группы. Поэтому возвращения Филина бойцы ждали не на крылечке штаба, а в «расположении», под этим самым навесом. Покровский, пытаясь одолеть сонливость, чистил оружие, но больше клевал носом, а Бадмаев караулил кашу для командира – заботливо кутал котелок в телогрейку.

Завидев капитана, бойцы взбодрились. Старшина снял с котелка «шубу» и жестом пригласил командира к ужину.

– Все нормально? – исподлобья взглянув на Филина, спросил Покровский.

– Как посмотреть, – буркнул капитан, усаживаясь за стол. – В масштабах Генштаба – да. Вы поели?

– Пузо сыто. – Бадмаев поставил рядом с котелком открытую банку тушенки, положил на стол ложку и большой ломоть хлеба. – Чай нести пойду.

– Неси. – Филин кивнул.

– Васнецов озадачился насчет поезда? – проводив старшину взглядом, спросил Покровский.

– Не сходится у него что-то. – Филин выложил полбанки тушенки в кашу, перемешал и принялся уплетать за обе щеки. – Сомневается.

– Не поверил? – Покровский удивленно вскинул брови и уставился на командира. – Надо было фотоаппарат с собой взять? А про егерей он что сказал?

– То же самое, – неразборчиво из-за набитого рта ответил Филин.

– То есть, пока гром не грянет, штаб не перекрестится?

– Разберутся. – Филин поморщился. – Мы свою задачу решили. Где Бадмаич с чаем?

Капитан обернулся в сторону полевой кухни... и вдруг свалился на землю, опрокинув заодно лавочку. Свалился не потому, что внезапно сделался неуклюжим. Его сбросил Покровский. Ефрейтор, словно заправский футбольный вратарь, прыгнул через стол и свалил командира на пожухшую траву.

В следующее мгновение метрах в десяти рвануло так, что Филин едва не расстался с принятой только что пищей. Уши заложило ватой, и капитан какое-то время не слышал, а только ощущал взрывы. А еще он чувствовал барабанивший по спине дождь из комьев земли.

Чуть позже звуки просочились сквозь «вагу», и Никита услышал подтверждение того, что и сам уже понял. Кто-то неподалеку истошно вопил «Мины!». Затем сквозь грохот взрывов пробился заунывный вой накрывающих расположение полка крупнокалиберных мин, командные выкрики и топот.

Прикрывший собой командира Покровский отполз в сторону, и Филин приподнялся, пытаясь оценить обстановку. Плотность огня была такая, что убраться из опасной зоны представлялось абсолютно невозможным. Несколько бойцов попытались рвануть короткими перебежками, от воронки к воронке, в сторону леса, но добежал до деревьев один из десятка.

Капитан вновь прижался к земле и пополз к ближайшей воронке. Ефрейтор Покровский съехал в неглубокую рытвину тремя секундами позже.

– Наш прокол! – крикнул Алексей. – Как мы не заметили, что фрицы подтянули минометы к передку? Это ж сто двадцать вторые лупят, колесные, их в окопах не спрячешь!

– Зарядом номер шесть могут издалека бить! – тоже пытаясь перекричать грохот, ответил капитан. – Километров с пяти запросто! А мы глубже трех не забирались!

– Почему по второй линии бьют?

– Почем знать? Может, на переднем крае такая же история. Бадмаича видишь?

– Нет пока! Да вы не волнуйтесь, товарищ капитан, он вперед меня мины услышал. Я ж сначала засек, как он кружки с чаем бросил. Потом уже я на вас прыгнул. Что делать будем?

– Стихнет, к передку поползем, если другой команды не поступит. Не нравится мне этот артналет на ночь глядя. Не вписывается он.

– Куда?

– Никуда.

– Васнецов не зря сомневался, думаете?

– Ничего пока не думаю. – Филин выглянул из воронки. – Слышишь?

– Поутихло?

– Нет. Со стороны передка. Пулеметы заработали... все сразу, похоже. И минометы, теперь наши, восемьдесят вторые.

– Фрицы в атаку пошли?

«Отбой тревоги, строиться!» – донеслось издалека.

Многочисленные воронки тут же зашевелились. Люди выползли из спасительных выбоин в земле и, все еще инстинктивно пригибаясь, выстраивались неподалеку от разрушенного лагеря. Покровский быстро отыскал разбросанные взрывной волной автоматы, выудил вещмешки из-под дырявого брезента завалившейся палатки и вопреки инстинктам выпрямился. Несколько секунд вертел головой, а затем шумно выдохнул и махнул рукой.

– Бадмаев, мы здесь!

– Сюда иду! – донеслось в ответ. – Дырка крови нету?

– Целые!

– Лопатка давай бери! – Старшина присоединился к товарищам на удивление быстро, хоть и шел, казалось, вразвалочку. – Копать надо. – Он указал на ближайшую воронку.

– К передку пойдем, с первой ротой, – сказал Филин.

– Передок сам идет. – Бадмаев указал стволом автомата за спину. – Мало-мало время здесь будет.

– Ты увидел что-то или услышал? – насторожился капитан.

– Сам смотри давай. – Старшина расчехлил поданную Покровским лопатку и указал на привязанный к командирскому вещмешку футляр бинокля. – Много-много фрицы сюда идет. Пулеметы горячо уже, мины падать, гранаты бросать, а фрицы не делать стой, раз, два. Лежа, давай копай иди.

– Навалились, значит, – сделал вывод из «рапорта» старшины Филин. – А поддерживает их что? Танки тоже идут?

– Танки нету. – Бадмаев помотал головой. – Машины совсем нету.левой, правой только, марш, марш.

– Без поддержки и все равно прорываются? – удивился Покровский. – Что за ерунда?

– Отставить окапываться, – принял решение Филин. – Выполняем свою обычную боевую задачу. Изучаем обстановку на переднем крае и докладываем в штаб.

– Туда уже доложили. – Алексей кивком указал вправо. – По телефону.

Мимо лагеря в сторону передовой промчалась сначала машина связистов, а затем на территорию, не сбрасывая скорости в повороте, влетели два «виллиса». Из одного выпрыгнул подполковник Васнецов.

Филин отряхнул с гимнастерки землю, надел пилотку и направился напрямиком к начальству.

– Доложи обстановку! – с ходу потребовал подполковник.

Филин набрал воздуха, чтобы ответить, но вместо него ответил кто-то в лесополосе, отделившей лагерь от подступов ко второй линии окопов на передке.

«К бою!»

Рявкнул невидимый командир так, что перекрыл и грохот разрывов, и пулеметную чечетку, которые становились громче с каждой минутой. Да что там... с каждой секундой!

Построившиеся бойцы тут же ринулись к лесу, даже углубились в него, но спустя несколько секунд снова появились на опушке. Теперь спиной вперед. Солдаты пятились, непрерывно стреляя по невидимому пока противнику. И невидимый враг стрелял в ответ. Вокруг завжикали пули – одной с Васнецова сбило фуражку, и офицеры были вынуждены залечь.

– Копать! – непонятно, скомандовал или выругался Васнецов. – Что за чертовщина?! У нас две линии обороны, там пулеметов понатыкано, как иголок на еже, пушки, минометы... как могли немцы без артподготовки, поддержки танков и авиации прорваться?!

– Артподготовка была...

– Не смешите мое чувство юмора, Филин! – Васнецов поморщился. – Вижу, крупным калибром вспахано. Только это, сами понимаете, все равно что помочиться в пожар. Не артподготовка, а балаган!

– Фрицы! – крикнул Покровский.

– Огонь! – Филин прицелился в первого появившегося из леса немецкого солдата.

Дистанция была убойная, не больше ста метров, и стрелял Филин всегда с ювелирной точностью. В том, что все пули короткой очереди легли в цель, капитан не усомнился ни на миг. Более того, он отлично видел, как от груди фрица отлетели какие-то ошметки. Но солдат лишь притормозил, качнулся назад, а затем вновь двинулся напрямиком на Филина.

Никита вцепился в противника еще две очереди подряд, но вновь ничего не произошло.

– Они в доспехах, что ли?!

– Я! – Опять крикнул Покровский и выстрелил из неведь откуда взявшейся у него винтовки.

Тяжелая винтовочная пуля прошила немца насквозь. Враг приблизился достаточно, чтобы Филин увидел, как очередные «ошметки» полетели и вперед, и назад. Но солдат опять лишь покачался, теперь, правда, сильнее, и продолжил движение. Еще несколько десятков немецких солдат вышли из леса и тоже двинулись навстречу шквальному огню оставшихся в лагере бойцов и офицеров.

Филин окинул наступающую цепь взглядом и вдруг сделал странный вывод. В немецком строю не было ни одного офицера. А еще наступающие солдаты почти не стреляли. Их автоматы начинали тарыхтеть, только когда немцы сближались с нашими на минимальное расстояние. Практически – стреляли в упор.

– На, получи! – вновь проявил себя Покровский. На этот раз он бросил в немца гранату.

Бросил ефрейтор хорошо, граната разорвалась под ногами у фрица, взрывная волна оторвала его от земли, немного отбросила назад, и он наконец-то рухнул навзничь. Вот только у Филина сложилось странное впечатление, что убить врага Покровскому не удалось. Немец довольно активно шевелился, словно пытаясь перевернуться и принять положение для стрельбы лежа. Нет, может быть, враг бился в агонии... как знать... но нехорошее подозрение все-таки у Филина появилось.

Он снова бросил взгляд на цепь и чуть дальше, на опушку леса.

– Вот они, офицеры, – невольно проронил капитан.

На опушке в нескольких местах появились немцы в камуфляже и в кепи вместо касок. Филин присмотрелся к ближайшему и заметил, что сбоку головной убор офицера украшает особая нашивка. Разглядеть ее в деталях не удалось, но капитан зафиксировал, что изображено там нечто белое на ярко-зеленом фоне. Пресловутый цветок эдельвейс?

Додумать у Филина не получилось. Немецкие командиры начали отдавать какие-то приказы, и солдаты открыли беглый огонь. Пришлось срочно менять позиции, снова укрываться в воронках.

- Гранатами огонь! – крикнул Васнецов и добавил нечто неразборчивое.
- Командир ранен!

Филин обернулся. Покровский снова очутился в гуще событий. Он помогал Васнецову достать из кармана перевязочный пакет. Подполковник стискивал от боли зубы, но ни за что конкретно не держался – определить, куда угодила пуля, не получалось.

- Отходим! – крикнул Филин. – Покровский, выноси командира! Бадмаев, ко мне!

– Огонь на себя надо! – заняв позицию рядом с Филиным, заявил старшина. – Стрелять дырка есть, убить нету! Граната хорошо. Снаряд лучше будет. Их держать без пушки нету. Большие пушки надо. Много-много.

– Я где тебе связь найду, чтоб огонь вызвать? – Филин отмахнулся. – Гранаты закончатся – уйдем.

- За нами пойдут. – Старшина осуждающе покачал головой.

- Работай, Бадмаич! Хватит хлопучками кидаться. Тащи нормальные «лимонки»!

- Окружают! – заорал вдруг Покровский.

Голос ефрейтора утонул в невероятном грохоте. Земля вокруг внезапно взметнулась в воздух и запыхала. Фонтаны горячей почвы проросли настолько плотно, что прежний обстрел минами калибра сто двадцать два миллиметра показался действительно «балаганом».

Похоже, не только у старшины Бадмаева возникла мысль, что устранить необычную проблему можно только радикальным способом. В штабе, видимо, пришли к тем же выводам и отдали непростой, но необходимый приказ гвардейским артдивизионам. Участок немецкого прорыва оперативно накрыли «катюши».

Как успели настолько быстро сориентироваться, навести и принять решение? Для Филина ответ на этот вопрос остался покрыт мраком. Тем самым, что наступает даже среди бела дня, если гвардейские реактивные минометы начинают перепыхивать и выжигать землю вместе со всем, что на ней имеется.

Глава 3

Наше время, Москва

«...К столетию окончательной победы Великого Октября – образованию Советского Союза, вся страна подводит итоги, рапортует о достижениях и показывает наглядные примеры торжества социалистических идеалов. Но если вы думаете, что эти примеры выражаются только цифрами прироста валового продукта, количеством квадратных метров введенного в строй бесплатного жилья или километрами построенных автодорог, вы ошибаетесь. Есть о чем рапортовать и работникам медицины, народного образования и сферы культуры.

Советский народ подходит к знаменательной дате здоровым, грамотным и всесторонне развитым. Система тотальной профилактики, вакцинации, витаминизации, бесплатного санаторно-курортного лечения и реабилитации позволяет нашим гражданам чувствовать себя отлично круглый год, а программы дополнительного образования позволяют легко осваивать новейшее оборудование, что в сумме многократно повышает производительность труда.

Весом и вклад работников культуры...»

Отрывок из передовицы газеты «Труд», надиктованной по радио

Радиокомпания «Москва» никогда не вещала на каких-либо частотах или в амплитудном диапазоне, но существовала столько, сколько себя помнил Леонид Зимин. В детстве он просыпался и засыпал под гимн из радиоточки, у которой была всего одна «крутилка», причем не имеющая функции выключения. Громкость убавлялась до минимума и только. Позже появился трехканальный приемник с двумя ручками и тремя клавишами. Можно было выбрать общий канал, музыкальный или «театр у микрофона».

Зимин всегда выбирал третий вариант. Это было нечто завораживающее. Нынешние аудиокниги могут сравниться с теми постановками лишь в редчайших случаях. И это не потому, что в детстве все было лучше: небо выше, деревья зеленее, вода мокрее. Тогда в радиопостановках участвовали лучшие актеры. Теперь же заманить кого-то из грандов на «озвучку» – редкая удача. Так утверждал один знакомый предприниматель, как раз занимающийся производством аудиокниг.

Позже радио по проводам, казалось бы, кануло в Лету, уступив место эфирным радиостанциям, а после – интернет-вещанию, но так лишь казалось. Радиокомпания «Москва» по-прежнему существовала. Более того, она переживала второе рождение, поскольку тоже вышла в Интернет.

Однако едва слышная трансляция, кусок которой уловил Зимин, шла вовсе не через Сеть. Бормотала натуральная радиоточка! Леонид сначала не поверил глазам, но вспомнил, где находится, и невольно восхитился. Учреждения советской культуры действительно участвовали в повышении производительности труда. С хорошим настроением работалось эффективнее. А что может поднять настроение лучше, чем приятные воспоминания из детства?

Леонид вернулся из короткого путешествия по розовым лужайкам лирического отступления, пробежал взглядом по тексту, отложил листок с рукописной расшифровкой, зажмурился и на какое-то время замер. На смену личным воспоминаниям вновь пришли нарисованные воображением картины фронтовой жизни. И смерти тоже. Печатное слово – не картинка, не сцена

из объемного фильма и не звуковая дорожка радиопостановки, но подействовало сильно. Леонида будто бы самого накрыло грохочущим огненным шквалом и присыпало горячей землей.

Теперь ему стало понятно, почему история разведгруппы капитана Филина написана не в формате мемуаров, не от первого лица. Видимо, дальше речь шла о ком-то и о чем-то другом. Но что тогда в этих художественных записях станет связующим звеном для всех эпизодов? И кстати спросить, какого фейхоа выбран именно художественный формат? Какой смысл в других документах, если основной текст художественный, то есть наполовину, как минимум, вымышленный?

«Сначала следует спросить, почему текст зашифрован? Простецки, как говорится, от честных людей, но ведь зашифрован. Что это за военно-секретные выкрутасы?»

Леонид вновь придвинул прошитую стопку листов с текстом и расшифровал первую строчку на новой странице.

«Хорошо, когда твоя мама учитель русского и литературы. Дома есть своя небольшая библиотека...»

Лирическое отступление. Явно. О чем пойдет речь дальше, пока не понять.

– Товарищ Зимин.

Леонид настолько увлекся процессом, что перестал обращать внимание на окружающую действительность. Не заметил даже, как подошла очаровательная Варвара Александровна. Вздрогнув от неожиданности, Леонид поднял взгляд и снова замер.

Сотрудница библиотеки смотрела на гостя как-то иначе. Во взгляде прибавилось тепла, и улыбалась она теперь не дежурно, а почти искренне, как хорошему знакомому. Это выглядело очень мило и доставляло удовольствие, но одновременно настораживало. С чего вдруг такие перемены?

Леонид не спешил доверять окружающим. Это на плакатах и в стихах «человек человеку друг, товарищ и брат». В жизни все несколько иначе. Эти три понятия зачастую не имеют ничего общего.

Брат есть брат, семья превыше всего, одна кровь, ему можно доверять на девяносто процентов, и он порвет за тебя любого друга и товарища, не говоря уже о враге. Другу, если настоящий, проверенный десятилетиями, можно доверять процентов на семьдесят. Настолько же от него можно ожидать поддержки, если возникнут проблемы.

Почему девяносто и семьдесят? Люди, бывает, меняются, и зачастую не в лучшую сторону. На то они и люди, а не каменные изваяния.

А вот товарищу... доверия от силы на пятьдесят процентов и никаких ожиданий. Нет, это не антисоветчина, это простое жизненное наблюдение. В нем нет осуждающей нотки, все оправданно и вполне в рамках коммунистической морали. Ведь товарищ в первую очередь заботится о себе, во вторую – о семье, в третью – об интересах государства и только после всего этого – о других товарищах. И если последний пункт не стыкуется с предыдущими, товарищ не задумываясь примет «правильную» сторону.

Применительно к текущей ситуации... не следовало путать ситуацию с проституцией, как в анекдоте про Василия Ивановича и Петьку. То есть глупо думать, что товарищ Варвара резко сделалась другом просто так, из внезапно нахлынувшей личной симпатии. Скорее она приняла некое решение или получила ценное указание и теперь преследовала личные корыстные цели либо действовала в интересах государства. Первое обиднее, второе – тревожнее.

– Слушаю вас, Варвара Александровна.

– Просто Варвара, – и снова улыбка, теперь без дураков, на поражение.

Опасения подтвердились. Товарищ Варвара несколькими едва уловимыми телодвижениями дала понять, что интересуется Леонидом чуть больше, чем того требуют должностные инструкции. Проще говоря, начала слегка кокетничать. Совсем немного, этак интеллигентно, чтобы не спугнуть.

«А будь я попроще, она подмигивала бы более откровенно? Или расстегнула бы пару пуговиц на блузке? Что она задумала? Или что ей приказали? Нет! Не так надо формулировать вопрос. Почему она вдруг пошла на контакт второй степени? – Леонид мысленно прокачал варианты, и его осенило. – Неужели я первый, кто расшифровал записи?! Тогда в углублении контакта нет ее интереса, это идея кураторов из КГБ, точно. Если, конечно, она сама не из Конторы».

Версия, что простейший шифр поддался только Леониду, не выдерживала никакой критики. Но другие варианты в голову не приходили. Черт! В нее теперь вообще ничего не приходило, даже кровь! Вся отлила куда не следует. Все-таки два года холостяцкой жизни – это перебор. Алена ушла 8 марта 2020-го, дата примечательная, не забудешь. С тех пор Леонид сторонился женщин. И ничего вроде бы, привык за два года подменять всякие дурные мысли работой и не смотреть на сотрудниц или знакомых дам как на женщин. Ну, не в плане этикета, а в том самом смысле... в интимном.

«За два года? Уже почти два с половиной! Да и смотреть на Варвару равнодушно просто невозможно! У моих сотрудниц не тот класс или что там... уровень притягательности? Короче говоря, все не то! От макушки до каблучков. А тут...»

Леонид вдруг очнулся и резко опустил взгляд. Он даже коротко выдохнул и склонился почти к самой поверхности стола. Происходило что-то непонятное. Ни с того ни с сего Зимин вошел в какой-то гормональный штопор и принялся обожествлять Варвару Александровну, которую еще минуту назад воспринимал исключительно ровно.

«Какого фейхоа?! Куда меня понесло? И с чего вдруг?»

Леонид медленно выпрямился и вновь посмотрел на Варвару. Не в глаза, в район подбородка. Она снова улыбалась, будто бы ничего не произошло.

– Хотите чаю или кофе? – Голос у нее сделался бархатным.

«Дьявольщина! – Леонид почувствовал, что его снова охватывает нездоровая дрожь. – Это гипноз? Ну не любовь же. Точно, гипноз. Она хочет подчинить меня или хотя бы деморализовать».

– Разве здесь можно? – Зимин скользнул рассеянным взглядом по бумагам.

– Здесь нельзя, но есть буфет. Хотите сделать перерыв?

– Я только начал... – Леонид осекся. – Да, пожалуй, кофе не помешает. Спасибо. Вы...

– Я составлю вам компанию, – закончила его мысль Варвара. – Можете оставить бумаги на столе, их никто не тронет. Идем?

Что оставалось делать? Леонид поднялся, одернул рубашку, свежую, но отглаженную по холостяцки, без вдохновения, и пошел, словно привязанная лодка в кильватере красивой яхты. Сходство усиливали грациозные покачивания корпуса яхты ниже ватерлинии. Обтягивающая форменная юбка подчеркивала идеальные формы Варвары Александровны.

«Еще одна такая аллюзия, матрос Зимин, и вам какую. – Внутренний голос походил на сочный бас мичмана Петракеева, самого колоритного персонажа на борту минного тральщика «Бесстрашный», приютившего в свое время Леонида на все три года срочной службы. – Надо встряхнуться. Не любовь же это с первого взгляда, на самом-то деле! Обычные чекистские фокусы. Они это умеют. Но почему именно я? Я ведь мог и вовсе не заявиться в этот спецархив. Просто попал под раздачу? Ничего личного, как говорят в буржуйских боевиках? Вот ведь угораздило!»

Буфет располагался за пределами особо охраняемой зоны, однако проблем не возникло ни при выходе из спецархива, ни по возвращении. Суровые тетеньки, охрана и милиция сделались расслабленно-лояльными и даже не взглянули на прицепленный к нагрудному карману пропуск.

И кофе в буфете подали не абы какой, растворимый, а натуральный. Правда, из кофемашины, а не сваренный вручную. Впрочем, для общепитовского заведения и это следовало считать высшим пилотажем.

– Сливки?

Столик был застелен ослепительно-белой скатертью, с которой почти сливались бело-снежные чашки, сахарница и прочие кофейно-чайные причиндалы. Все в тон ровным красивым зубкам Варвары.

– У вас тут... весьма... на уровне, – промямлил Зимин, почему-то невольно краснея.

– Государственное учреждение культуры. – Варвара пожалала плечами. – Наше министерство очень требовательно. В культуре нет мелочей, как и в медицине. Это ведь тоже здоровье граждан, только моральное.

– Моральное? – Леонид хмыкнул. – Не думал, что есть еще и такое здоровье.

– Классификация Всемирной организации здравоохранения определяет два вида: физическое и душевное, оно же психическое, но советская наука давно опередила косную западную систему и расширила понятие здоровья.

– Да, да, я понимаю. – Зимин уткнулся взглядом в чашку.

Пенка на поверхности кофе медленно плыла по часовой стрелке, образуя ближе к стенкам чашки орнамент, напоминающий дизайн олимпийской формы сборной СССР. Иностранцы туристы называли его «русским узором» и скупали шмотки с такой раскраской тоннами. Естественно, в том, что пенка образовала «русский узор», не было никакой иллюзии или совпадения. Новейшие советские технологии, только и всего. При желании можно запрограммировать чашку так, что на поверхности налитого в нее напитка возникнет любая пенная надпись, например, «Слава КПСС», ничего сложного. Другой вопрос, не будет ли это выглядеть кощунственно и даже провокационно? Ведь пена – штука поверхностная, зыбкая и короткоживущая.

– Вы серьезно погрузились в свою работу, это делает вам честь.

– Простите меня, Варвара. – Леонид не поднял взгляд. – В этом история всей моей жизни. И побед, и поражений. Все из-за моей способности уходить в работу с головой.

– Разве такая целеустремленность может привести к поражению?

– В личном плане – запросто. – Зимин наконец решился коротко взглянуть Варваре в глаза.

Больше она вроде бы не «гипнотизировала». Во всяком случае, Леонид не завис. Но очарование никуда не делось. Видимо, уже подсел.

– У вас произошел разлад в семье? – Варвара будто бы спохватилась и вскинула руки. – Ой, простите! Лезу куда не следует.

– Ничего страшного. – Леонид вздохнул. – Я сам виноват. Мы прожили пять лет, и все это время работа была для меня на первом месте. Жена не выдержала и ушла.

– Как печально. – Варвара тоже вздохнула, но одновременно принялась накручивать на палец непослушный локон. – И как аморально. Разрушать ячейку советского общества из-за гипертрофированного эго.

– Нет, она... не была эгоисткой. Имелись другие нюансы.

– Простите еще раз, я вижу, вам эта тема неприятна. Лучше расскажите о работе, раз уж вы так ей преданы. Есть польза от наших документов?

– Да, конечно. – Леонид сделал очередной глоток и только теперь понял, что кофе очень даже хорош. Государственное снабжение культурных учреждений раскрылось с новой стороны. Раньше-то Зимин думал, что все лучшее у частных. Ну, кроме военной и космической продукции. – Придется серьезно потрудиться, но это мне только в радость.

– Что-то вам непонятно? Вы скажите, возможно, я помогу. Не сама, конечно, пришлю на помощь специалистов.

– О-о, не беспокойтесь, Варвара. Вы и так уже помогли. То, что я обнаружил в синей папке...

– А знаете, как эти документы попали в архив? – Варвара повела себя странно. Во-первых, перебила, что никак не вязалось с ее прежней деликатностью. А во-вторых, подалась вперед и округлила глаза, словно сигнализируя Леониду, что следует придержать язык и незаметно сменить тему.

«Незаметно для кого? Кругом полно жучков и нас подслушивают? Да что творится, черт побери?!»

– Думаю... – Зимин собрался с мыслями, – обыкновенно попали, как и все остальные, из архивов Министерства обороны. После того, как их рассекретили.

– Не угадали. – Варвара немного расслабилась и вернулась в исходное положение. – Почти вся полка привезена почтой СССР. Ровно десять посылок, без адреса отправителя, только со штемпелями почтамта Владивостока. Видели бы вы, сколько на них было наклеено марок!

– Наверное, ваша охрана здорово переполошилась, – Леонид улыбнулся.

– Это случилось еще в девяностых, тогда проблема терроризма не стояла так остро, как сейчас.

– Из Владивостока? – Зимин удивленно поднял одну бровь. – Не понимаю. Архив напрямую относится к боевым действиям под Кенигсбергом и не касается Японии. Как он попал на Дальний Восток?

– Версий может быть масса. Случайно был отправлен с другими бумагами не по адресу, завалился в углу вагона, когда шла переброска войск на Японский фронт, был вывезен каким-то ветераном «на память». Почему отправитель не оставил свои данные, вот в чем вопрос!

– Благородный жест, например. Наследник того ветерана решил восполнить пробел в государственных архивах, но пожелал остаться неизвестным.

– Чтобы не замарали вознаграждением?

– Как вариант. Вполне державная гражданская позиция.

– Советская.

– Я это и сказал... мне кажется.

– Ближе к этому. – Варвара вновь сменила выражение одних только глаз.

Теперь она словно пыталась подсказать Леониду что-то... что-то... непонятно что! Как угадать? И если не угадаешь, что будет? Облом и возвращение к формальному общению?

– Знаете, Варвара, – невесть откуда набравшись смелости, рискнул Зимин, – с вами так интересно поговорить, но за короткий перерыв на кофе нам не обсудить все темы...

Варвара медленно смежила веки. Зимин расшифровал ее безмолвный посыл как одобрение. Ура! Он понял подсказку правильно. Сегодня Леонид просто блистал пронизательностью!

– Приглашаете на свидание, товарищ Зимин? – В голосе у нее промелькнули грубоватые нотки, но теперь Леонид не сомневался, что этого требовала обстановка.

На записи менее грубые нотки будут звучать неубедительно. А так все ясно и, между прочим, не предосудительно. Она не замужем, он разведен... уже два с половиной года – обалдеть!.. почему бы не закрутить служебный роман? Обществу нужны новые ячейки взамен разрушенных? Государству нужны новые кадры, которые рождаются в новых ячейках? Армии требуются еще солдаты, в конце-то концов?! Ну вот...

– Приглашаю. – Зимин отодвинул чашку. – «Красная пирамида» или «Неуловимые мстители»? Очень хорошие кафе.

– Слишком пафосно. – Варвара смешно и мило наморщила носик. – Вы любите футбол?

– Да, – не моргнув глазом, соврал Зимин и только после этого опомнился. – А при чем тут...

– Вы за кого болеете?

- За... – Боясь попасть впросак, Леонид замешкался.
- За ЦСКА? Я тоже, представляете! Значит, сегодня в семь тридцать на стадионе? Билеты у меня есть, купила на себя и подругу, но она заболела. Пойдете со мной?
- С вами хоть на керлинг.
- Отлично.
- Да. – Леонид уставился на Варвару в совершенном обалдении. Он уже не понимал, играет она или все это всерьез. И если играет, то на какую публику – на ту, что подслушивает, или на него. – Неожиданно, конечно, но отлично.
- Не думали, что я могу увлекаться футболом?
- Нет, почему... спорт он такой... ему все покорны... только неожиданно, что вы ходите на стадион. Не дома смотрите или в спортивном кафе, а прямо...
- В пекле? – Варвара усмехнулась. – Если подружимся, зимой свожу вас еще и на хоккей. А вы думали, библиотекари – это беспольные эфирные создания? Успехов в работе, товарищ Зимин. Вас пропустят обратно в зал, не волнуйтесь. А мне надо здесь задержаться. До свидания.
- До вечера?
- На всякий случай да. – Варвара пожала Леониду руку и выпорхнула из буфета...

За свой стол Зимин вернулся не сразу, потребовалось некоторое время, чтобы успокоиться. И начал работу он тоже после существенной паузы. Сначала отгонял мысли о Варваре, затем боролся с ее необычным по тембру голосом, звучавшим в голове навязчиво, но все равно приятно, а когда первые два наваждения схлынули, началась неравная схватка со зрительной иллюзией, почти галлюцинацией. Образ Варвары стоял перед глазами и никак не желал улетучиваться. Леонид чувствовал себя влюбленным сопляком, стыдил себя за малодушие, но ничего не мог с собой поделать. От одного только имени Варвара начинало щемить сердце.

Справиться с бурей эмоций помогла, как обычно, работа. Зимин набросился на нее, как голодный лев на газель. Решительно придвинул почти чистый лист, занес над ним капиллярную ручку и... в который раз завис, словно опасаясь промахнуться, когда опустит руку, и сделать запись не на бумаге, а на голом столе. Нет, с листом все оказалось в порядке, он лежал там, где надо. Не на месте оказался зашифрованный текст. Сшитая толстыми белыми нитками пачка архивных машинописных страниц лежала не там, где ее оставил Зимин. Всего на пару сантиметров в сторонке, но не там.

Леонид перевел взгляд на стопку исписанных листов с расшифровкой. Их тоже перекладывали, это стало очевидно. В отсутствие Зимина кто-то внимательно изучил материал и наверняка сделал выводы. А возможно, и скопировал плоды трудов исследователя, изменившего Науке с волшебной девушкой Варварой. Что проще? Навел камеру личного телефона и щелкнул.

«Не для того ли Варвара увела меня в буфет? – Леонида словно умыло холодной отрезвляющей волной. – Бес мне в ребро, хоть и нет пока седины в бороде. Полное воздержание от чего бы то ни было губительно. Жизнь должна быть разнообразной и хотя бы изредка порочной. Тогда и проколов не будет. Что же ищет Варвара или ее товарищи из КГБ? Какую истину, упрятанную в этих документах? И почему не нашли ее до меня? Мозги сломать можно! Но главное – что дальше?»

Фантазия мгновенно нарисовала неутешительную, но вполне вероятную картинку. Варвара беседует с коллегами из Политического Управления КГБ, особой структуры, малопонятной даже другим сотрудникам Конторы, а затем в спецархив заявляются незапоминающиеся люди в штатском. Они отнимают у Зимина синюю папку, изымают «Электронику», обыскивают оторопевшего гражданина и вежливо просят оставаться в городе, а лучше строго дома и на работе, чтобы не пришлось его искать, «если потребуется консультация». Ошарашенный

Леонид бредет домой и смотрит матч ЦСКА против немецкого «Байера» по телевизору, параллельно накачиваясь от разочарования коньяком. Нет, это хоккейный вариант. Накачиваясь пивом.

А утром... идет на работу. С разбитым сердцем. Все как обычно. Разве что причина трещины в сердечной глыбе зовется иначе. Не Алена, как последние два года, а Варвара.

Перспектива нарисовалась так себе. Но пока ничего подобного не произошло, не имелось и повода расклеиваться.

Леонид вынул из корпуса «Электроники» две горошины беспроводных динамиков, вставил в уши и буркнул «популярная классика FM». В голове зазвучали финальные аккорды старинной ламбады, а затем полилась знакомая с детства песня народного артиста СССР Юрия Антонова про белый теплоход. Душевное равновесие стремительно поползло к нормативной отметке.

«Что будет, то будет. Пока не случилось ничего страшного, надо работать. Глядишь, и обойдется. Кто знает, в чем мой шанс? Чего на самом деле хотят невидимые соглядатаи? Если рассуждать логически, они желают мне скорее успеха, чем поражения. Если б они хотели скрыть зашифрованный текст, какого фейхоа допускали бы меня до источника? Значит, им требуется расшифровка. Ну так я и занимаюсь расшифровкой. То есть нам по пути. На том и сойдемся пока. Короче говоря, спокойно, матрос Зимин. Делай молча что должен, а там будь что будет. Молча!»

Леонид сосредоточился на тексте и продолжил начатую еще до перерыва строчку.

«...поэтому даже в глухие беспросветные дни холодного безмолвия, когда вокруг на многие версты все замечено снегом и до школы не добраться, ты имеешь возможность читать...»

Глава 4

Ноябрь 1944 года, Восточная Пруссия, участок 3-го Белорусского фронта

«...В своей директиве командующему 28-й Армией от 28.10.1944 года командующий 3-м Белорусским фронтом указал:

«Противник, сосредоточив крупные танковые силы, по всем данным, намерен нанести нам ряд контрударов с целью отбросить войска фронта на прежние рубежи.

Для перемалывания контратакующего противника и подготовки к дальнейшему наступлению приказываю:

1. Временно перейти к обороне на занимаемых рубежах, имея передний край на линии: г.дв.Керрин, фл. Виркенвальде, г.дв.Гуддин, (иск) Зодинелен, Йодцунен, Грюнвайтишен, Жургунхен.

На этом рубеже создать непреступную, глубокую противотанковую, противовоздушную и противопехотную оборону, рассчитанную на отражение и уничтожение крупных сил танков и пехоты атакующего противника при поддержке массивированной артиллерии и авиации».

Из директивы командующего 3БФ № 957/к

Хорошо, когда твоя мама учитель русского и литературы. Дома есть своя небольшая библиотека, поэтому даже в глухие беспросветные дни холодного безмолвия, когда вокруг на многие версты все замечено снегом и до школы не добраться, ты имеешь возможность читать. Дом томится в снежном плену, утренняя вылазка в уборную и за дровами превращается в чемпионат по классической борьбе – в роли противника дверь, подпертая наметенным за ночь сугробом, а тропа до колодца больше походит на узкий коридор здания без крыши. Но все это мелочи, когда дома есть книги. Сделав, что нужно, сидишь в уютной теплой тишине и читаешь.

«В тишине... такой, как сейчас. Нет, сейчас она другая. Там, дома, в снежном плену, было так тихо, что слышались удары сердца. А здесь тишина нанизана, как на шампур, на какой-то протяжный острый звук. Что-то пищит непонятно где, словно испорченная радиоточка. И вовсе не тепло и не уютно. Наоборот, холодно и неудобно. Почему? Отчего? Почему снег лежит не на крыше дома, а прямо на мне? Что с левой рукой, почему она не держит книгу? Почему она вообще не ощущается?»

Филин попытался шевельнуться, но что у него получилось, знал, наверное, только Бог. Только ведь его, как известно, для комсомольцев не существует. Или, наоборот, для него нет такой категории людей – не суть важно. Сам Никита не понял, шевельнулся он или нет. Он вообще не вполне понимал, способен ли шевелиться. Да что там! Он даже не понимал, жив ли еще!

«Мыслю, следовательно, существую, – припомнилась строчка из одной заумной книги в старорежимном оформлении. – Хорошо, если так. Но ведь шевелиться – это другая задача. Какие еще есть зацепки? Дышу? Тоже хорошо. В целом. А если не в целом... тяжело даже дышать, елы-палы! Как будто мешок с мукой сверху лежит. Надо собраться, приподняться, скинуть тяжесть. Руки-ноги, где вы?»

Руки отозвались, помогли, только это были не руки Никиты, а чьи-то еще. Они быстро сдвинули в сторону слой тяжелого снега – или это была земля, Филин пока не понимал, ухватили крепко, до боли, и без всякого почтения или хотя бы осторожности вытянули из неведомого капкана.

Почувствовав свободу, Никита сделал неглубокий вдох, втянул с воздухом земляные частицы и закашлялся.

– В рубашке родился капитан, – слышалось словно из какой-то железной трубы, со звонким многократным эхом. – Гимнастерка сгорела совсем, гляди. А на нем ни пузыря, ни ссадины. Опуцать какой счастливчик.

– Пупов не хватит за всех радоваться. Тут в одной воронке трое и все живы. Этот, правда, живее других, натюрлих.

– Чтоб у тебя язык отсох.

– А чего? Я могу и как союзнички говорят. Хочешь? О'кей, ит из гуд.

– Ну и чего тут союзнического? Опять «гут» фашистский.

– Темнота! Не «гут», а «гуд». По-английски.

– Хрен редьки не слаще. Ты английский шпион, что ли? Враг народа?

– Пошел ты, май френд, в жопу! Это по-американски. Жаргон пролетариата Североамериканских Соединенных Штатов, так тебе понятно?

– Так бы сразу и сказал, а то орешь на всю деревню.

– Соображать надо!

– Надо же, какой грамотный! Чего ж ты не военврач?

– А ты чего?

– Я-то из крестьян, мне только в зоотехники, а тебе, городскому, самое то в медицину было бы. А ты фрицевскими «гут-капут-натюрлихами» башку забиваешь. Самому не противно, нет?

Филину надоело слушать никчемную перепалку санитаров... или кем там были его спасители... и он снова попытался шевельнуться, а заодно открыть глаза.

Они открылись, руки их протерли, по-детски, кулаками, но Филину показалось, что все это сделал кто-то другой. Никита вспомнил, как бабушка извлекла однажды острую щепку ему из глаза – языком, а он после этого долго еще тер глаз, хотя больше ничего не мешало и не кололо. Остановиться и опустить руки не было сил. Хотелось тереть и тереть.

– Давай, капитан, умойся.

На лицо полилась вода, и Филин только в этот момент понял, что не видел ничего, хотя глаза были открыты. Умывание не только помогло восстановить зрение, но еще и взбодрило. Почти сразу вернулись ощущения и... черт! Лучше бы они не возвращались! Тело пронзила острая боль – от пяток до макушки. Никита имел две нашивки за ранения, и ему были знакомы эти ощущения. Только теперь казалось, что прострелено или сломано все, каждая косточка!

– Кто?! – неожиданно для себя прохрипел Филин.

– Я кто? – Один из санитаров усмехнулся. – Дед Пихто. А это моя бабка с автоматом.

– Отставить... шуточки... – Язык шевелился медленно и трудно, будто бы во рту было полно просроченной вязкой сгущенки. – Кто... выжил... еще?

– Ты молчи, капитан, – посоветовал второй санитар. – Вредно говорить. Контузия у тебя.

Филин попытался сфокусировать взгляд на бойцах. Получилось так себе. Во-первых, было не фонтан с освещением. Царили сумерки, не понять только, вечерние или утренние. Во-вторых, перед глазами плавала какая-то муть. Увидел капитан лишь два человекоподобных мутных пятна зеленоватого оттенка.

– Воды...

Санитары подались вперед, затем назад, и Никита почувствовал, что подается куда-то вместе с ними. Судя по внутренним ощущениям, его усадили.

Филин приготовился к новой болевой вспышке, но ничего такого не накатило. Тело оставалось непослушным, но боль исчезла, словно ее и не было вовсе. Немного ломило в затылке, но это не в счет.

Снова полилась вода. Чужая и в то же время, по факту, своя рука перехватила струйку и плеснула в глаза, а затем размазала воду по лицу. Ощущение холодной воды на лице сменилось новым – из внутренних уголков глаз по скулам потекло что-то теплое.

«Слезы или кровь?»

Филин опустил взгляд на руки. Крови он не увидел.

«Значит, слезы. Хорошо. Точно живой. И не раненый, если верить бойцам. А что контузия... ерунда. Голова не болит, не кружится, тошноты нет... оглушило просто».

– Проморгался? – Один из санитаров склонился и внимательно посмотрел Никите в глаза. – Зрачки одинаковые, глаза не прыгают... Слышь, Петрович, нет у него контузии.

– Слышь, профессор, не тебе решать. Тащим его в санбат, там разберутся. Носилки раскладывай.

– погоди ты... – Первый санитар сунул Филину под нос флакон с чем-то едко пахнущим.

Никита невольно содрогнулся и отпрянул, но зелье подействовало. У капитана получилось резко и наконец-то глубоко вдохнуть, а в глазах прояснилось до вполне приличной четкости и прозрачности. И сумерки вроде бы немного отступили. Значит, все-таки приближалось утро.

Филин увидел двух бойцов с белыми повязками на рукавах, увидел выжженную, местами еще тлеющую землю, перевернутый искореженный «виллис» и два обугленных вражеских трупа. Еще три или четыре мертвых немца в поле зрения выглядели не настолько обгоревшими, но все как один оказались без голов и конечностей. На одном из них, как на кочке, сидел второй санитар.

А еще Никита увидел лежащих на носилках Бадмаева и Васнецова. Подполковника как раз собирались уносить еще два санитары. Взяли носилки они так, чтобы нести вперед головой, это обнадеживало.

– Бадмаич... – прохрипел Филин. – Слышишь меня? Живой?

– Дырка... нету, – тихо, но внятно ответил старшина. – Мало-мало... башка ударил.

– Молчите оба! – приказал первый санитар.

– Наши где? – Филин поерзал, усаживаясь поудобнее.

Удивительно, только с каждой секундой он чувствовал себя все лучше. Ему больше не требовалась помощь в виде понюшки нашатыря или умывания затхлою водой из солдатской фляжки. Противный звон в ушах становился все тише, перед глазами не осталось и следов мутной пелены, а тело вернулось хозяину почти целиком. Разве что левая рука все еще оставалась слабой и дрожала.

– Во дает, – проронил первый санитар, обращаясь ко второму. – Говорю же, нет у него контузии. Повезло в полный рост.

– Я задал вопрос, рядовой. – Филин добавил голосу строгости.

– Впереди. – Санитар кивком указал в западном направлении. – Километра на три продвинулись. Там старая железная дорога и полустанок какой-то. Аккурат до него одним махом рванули. А сейчас, наверное, еще дальше ушли.

– Слышал, Бадмаич?

– Поезд смотреть надо важно. Эти чотгор-шулмас⁵ и поезд вместе. – Старшина обмяк, но не так, чтобы совсем, а просто выдохся.

– Это верно. – Филин оперся о плечо первого санитары и поднялся на ноги. – Тоже думаю, что как-то связаны эти неубиваемые фрицы с тем поездом.

Голова слегка кружилась, но стоял капитан достаточно твердо. Постояв пару секунд, Никита наклонился, выудил из-под слоя смешанной с пеплом земли почти не обгоревший ватник, затем нашел автомат – тоже вроде бы ничего, целый, оделся и забросил оружие на плечо,

⁵ Злые духи (бурят.).

как мотыгу. Ощущение оружия в руке придало бодрости, и Филин внутренне «взвился», как те соколы из песни, орлом.

– Вы чего, товарищ капитан?! – Санитар не возмутился, а скорее изумился. – Вам в санбат надо!

– Бадмаева несите. Я сам. – Упреждая возражения санитаров, Филин махнул рукой. – Это приказ. Выполняйте.

– Есть. – Первый санитар пожал плечами.

Никита был уверен, что, если бы не субординация, боец покрутил бы пальцем у виска.

Санитары подхватили носилки со старшиной, но прежде чем они двинулись в тыловом направлении, Филин спросил о главном:

– Кого еще удалось откопать? Ефрейтора поблизости не находили?

– Никого. – Первый санитар взглянул на капитана виновато. – Выжгли тут гвардейцы все под ноль.

Филин нахмурился и отвернулся.

– Нету... тела, – прошептал Бадмаев. – Леха... жив.

Никита, не оборачиваясь, похлопал старшину по плечу и кивнул санитарам.

Бадмаев был прав. Пока не найдено тело, списывать Покровского со счетов не следовало. Хотя, если было прямое попадание, например, тела и не будет. Одни «клочки по закоулочкам», как в той сказке.

Мысль вдруг скользнула дальше, и в голове эхом повторились следующие слова Бадмаева: «Леха... жив». Старшина произнес их, как отдельное предложение. Уверенно так сказал. Почти заявил. Ашир будто бы откуда-то знал, что Леха жив, и поэтому здесь нет его тела.

Расспросить старшину капитан теперь не мог, бойцы-санитары с носилками уже скрылись из вида, поэтому пришлось просто отложить в голове, на крайней полочке, что судьба Покровского пока в тумане, и заняться главным вопросом. Точнее, вопросами: что за антинаучная мистика разгулялась на данном участке передовой и прилегающей местности? и есть ли тут действительно связь с тем поездом за линией фронта?

В первом приближении связь вроде бы имелась, вот и Бадмаев подтверждал. Но не потрогаешь – не узнаешь. Филину требовалось убедиться во всем лично: на глаз, на ощупь, а если потребуется, то и на зуб...

Так бывает с похмелья: бодрость духа и энергия в теле вдруг в один миг сменяются полным безразличием и ощущением какого-то фарша вместо мышц. Именно так, в один миг, резко. Шел себе, шел, почти насвистывал, как вдруг... раз!.. и накрыло медным тазом. Жизнь сделалась никчемной, тело покрылось липким потом, а вместо упругих мышц образовалась бумажная масса, хоть фигурки папье-маше лепи.

В такой момент наилучший вариант – лечь на травку, расслабиться, выдохнуть и прикрыть глаза на пять минут. Спать не обязательно. Главное – расслабиться.

Но это если с похмелья. Если дело в контузии, все сложнее. Что бы там ни заявлял будущий доктор, а пока что санитар из Отдельного медико-санитарного батальона, встряхнуло Филина изрядно, а значит, последствия просто обязаны сказаться.

Когда Никита вышел на тропу, по которой еще полдня назад разведгруппа улепетывала из немецкого тыла, его качнуло пару раз с такой силой, что Филин едва не встал на четвереньки. Все обошлось, но передвигаться капитан начал осторожнее, без ухарства, с учетом как его там... анамнеза, кажется. Филин дважды отлеживался по поводу ранений, поэтому кое-какие медицинские словечки запомнил. Анестезия, инфильтрация, гангрена... еще чего-то там. Расширять словарный запас Филину не хотелось. На госпитальной койке хорошо, сонно и сытно, но на свежем воздухе лучше.

Вокруг снова стояли корабельные сосны, воздух пронизывали ароматы смолы и увядающей травы, а мшисто-хвойная подстилка пружинила под ногами. А еще имелось холодное небо над головой и полное непонимание происходящего – внутри этой самой головы.

Низких утробных звуков больше не ощущалось, тут никакого сходства не прослеживалось, но Филин опять не знал, что там за деревьями. Танки вряд ли. Если только свои. Поезд?

«Да, поезд. Смотреть надо важно. Прав Бадмаич, очень важно его осмотреть! И обязательно изнутри».

Капитан невольно ускорил шаг. Организм отреагировал на это легкой тошнотой. Никиту едва не согнуло под ближайшим кустиком, но Филин взял себя в руки. Что съедено до огневого налета, провалилось. Мое. Точка.

На подступах к железнодорожной ветке атмосфера сгустилась до подобия газовой атаки. Нещадно чадили то ли какие-то резиновые изделия, то ли растекшийся неведомо из каких емкостей мазут. Ветер путался в соснах и до насыпи долетал на последнем издыхании, а потому черный дым большей частью метался над пятнистым составом. Прочь улетала едва ли десятая часть.

В обрамлении черных клубов загадочный состав выглядел и вовсе мистической придумкой американского писателя Эдгара Аллана По. Наряду с книжкой Жюль Верна про подводную лодку сборник рассказов этого сочинителя был настольной книгой Филина. Ну, после историй про Шерлока Холмса. Эти три книги так и лежали в одной стопке.

Возвращаясь к теме: загадочный поезд стоял на месте. Все рефвагоны оставались закрыты, пассажирские, наоборот, нараспашку, тепловоз дремал, а пулеметы и зенитки склонили стволы долу. Никакого личного состава выше рельс не наблюдалось. Большинство «грачей», похоже, улетело, а те, что остались, лежали теперь вдоль насыпи. Жареными кусками.

Это выглядело неприятно, но вполне объяснимо. «Катюши» ведь жажнули, что тут удивляться? Гвардейские реактивные минометы не разрушили железную дорогу и даже не скинули с нее тяжелые вагоны. Секретный подвижной состав был поврежден лишь частично. Зато для живой силы противника «катюши» устроили адский кошмар. Все равно, что гиперолоид инженера Гарина.

Осмотревшись, Филин вскарабкался на скользкую от мазута насыпь, уцепился, подтянулся и запрыгнул в ближайший вагон с окнами.

Комплексное гимнастическое упражнение было вроде бы простым, но организм отреагировал не штатно. В глазах потемнело, на темном фоне замелькали золотистые искры, в животе ухнуло, словно при резком спуске с крутой горки, а ноги подкосились. Филину пришлось вцепиться в поручень и на пару секунд замереть.

Когда в глазах прояснилось, Никита обнаружил, что перед ним стоит боец с автоматом. Стоит в метре и почти упирает ствол ППШ капитану в грудь. Еще один автоматчик стоял позади бойца и тоже целился в Филина, только прямо в лоб.

– Выпрыгнул, как черт из табакерки, – слышалось справа, из коридорчика, который отделял основное пространство вагона от тамбура. – Капитан... как там тебя... Лунь, Сова?

– Филин. – Никита чуть подался вперед и заглянул в коридор. – Майор Жданов? Комендатура?

– Так точно. Ты что тут делаешь, разведка? И почему в таком виде? Тебя будто бы изпод земли достали. Воины, отбой тревоги.

– Так и было. – Никита попытался разглядеть свое отражение в никелированном баке для кипятка, встроеном в стенку коридора.

– Так это с ваших позиций огонь на себя вызвали?

– С наших.

– И ты уцелел?

– Повезло, – Никита кивнул и поморщился. – Башка только трещит... и в глазах темнеет иногда.

– Доктор! – Майор Жданов обернулся и повторил громче: – Доктор, тут к вам пациент!
– Да я в порядке... – Филин осекся.

Строгий взгляд доктора, капитана медицинской службы, подействовал как команда «смирно», хоть по званию они были равны. Настолько синих и глубоких глаз Филин не видел никогда. Может быть, фокус заключался в том, что ветер наконец порвал черную дымовую завесу и в окошко пробились косые лучи утреннего солнца? Они весьма удачно подсветили лицо доктора. Особенно большие красивые глаза.

Не подумайте ничего дурного. Филин не сбрендил и не стал вдруг художником, чтобы воспевать красоту как таковую, невзирая на половую принадлежность субъекта. Доктор оказался молодой русоволосой женщиной.

В полковом медпункте Филин ее не встречал, значит, это была военврач из медсанбата или вообще из госпиталя. Почему она вдруг оказалась на передовой? И что здесь, собственно, делал майор Жданов, представитель комендатуры, которому тоже не полагалось разгуливать по передку? Неужели за те несколько часов, что Филин провалялся без сознания, фронт ушел настолько далеко? Здесь теперь что, глубокий тыл? Пока что все эти вопросы оставались без ответов.

– Пройдите сюда, товарищ капитан. – Оказалось, что голос у доктора тоже красивый. – Сюда, в купе.

Филин прошел в первое купе и осмотрелся, автоматически фиксируя детали. Впрочем, отвлёкся он лишь на секунду. Магнит синих глаз притянул все его внимание.

– Контузило... маленько, – неожиданно для себя запнувшись, сказал Никита.

– Сами так решили? – Доктор вынула из кармана огрызок химического карандаша. – Голова кружится? Нет? Развернитесь к свету. Хорошо. Смотрите на карандаш. Теперь закройте глаза, ноги вместе и вытяните руки перед собой. Открывайте глаза. Головная боль, тошнота...

– Ничего нет. – Филин почему-то взбодрился и приосанился.

– А в тамбуре что было? В глазах потемнело?

– Откуда вы... Нет! Просто со света в темноту... глаза привыкали. Не сразу заметил бойцов. Или что, так не должно быть?

– Должно. Только света особого снаружи не было.

– Вот же... солнышко!

– Капитан, не морочьте мне голову. – Доктор вздохнула и посмотрела на Филина укоризненно. – И без ваших усилий ничего не понятно.

Доктор едва заметным кивком указала вглубь вагона.

– А что там? – Филин выглянул из купе.

Этот момент тут же засек Жданов. Он жестом приказал капитану замереть.

– Жить будешь?

– Какое-то время. – Никита кивнул. – Лет до ста точно. Что здесь было?

– Эсэсовцы. Твоя-то какая забота?

– Я этот эшелон обнаружил. Что в вагонах с вентиляторами, выяснили?

– Не лезь, капитан. Скоро Смерш тут будет.

– А вы кто?

– Не наш, а из штаба фронта. Чуешь масштаб? Теперь это их головная боль. Ты, если здоров, шуруй вперед, догоняй своих.

– То есть дело серьезное, – сделал вывод Филин. – Сам помощник коменданта на охране, фронтальной Смерш вызвали... только доктор не вписывается пока.

– Ты сильно умный, да? – Жданов скривился, не понять, с сочувствием или неприязненно.

- Просто любознательный.
- Может, тебя арестовать?
- Ухожу, ухожу. – Филин поднял руки ладонями вперед. – Совет хочешь?
- Нет, проваливай.

– Побольше солдат на периметр поставь, иначе вздрючит тебя фронтовой Смерш за такое несение службы. Сито у тебя тут, а не охранение. Будь здоров, товарищ майор.

- Исчезни уже. – В голосе у Жданова мелькнули доброжелательные нотки.

В отличие от некоторых штабных он не считал себя самым подкованным в любых вопросах военного дела. И к разведчикам относился с должным уважением. Филин не стал злоупотреблять благорасположением майора и, бросив прощальный взгляд на доктора, не без сожаления покинул вагон.

«Вот дурень! Надо было у Жданова спросить, как ее зовут хотя бы. Но теперь, если вернусь, майор начнет стрелять, это точно. Да и некогда тут бегать туда-сюда».

Пока Жданов не внял совету, у капитана имелась возможность заглянуть все-таки в загадочные вагоны. Этим Филин и занялся. Для начала он пробрался под вагоном на другую сторону насыпи, рысцой переместился к вагонам с вентиляторами и на несколько секунд замер в буферной зоне.

Кроме буферов, сцепки и вполне обычных тормозных шлангов, между подозрительными вагонами были протянуты еще два пучка проводов и резиновых трубок. Ну ладно, один кабель мог быть электрическим, а что подавали другие провода и трубки? Особенно заинтересовал Филина резиновый шланг, усиленный стальной сеткой.

Капитан выглянул из условного укрытия, повертев головой, убедился, что Жданов по-прежнему не спешит следовать совету, скользнул вдоль вагона и остановился у сдвижной двери. Заперта она была довольно условно, на висячий замок весьма хлипкого вида. Сбить его представлялось делом несложным, но Филин не хотел шуметь.

Капитан перебежал дальше и снова притаился в пространстве между вагонами. Впереди послышались голоса и топот сапог. Бойцы все-таки начали занимать посты.

Филин терял инициативу, но это его почему-то не беспокоило. Капитан поднял взгляд и понял, в чем дело. Краем глаза он заметил приоткрытую дверцу в торце следующего вагона. Запрыгнуть оказалось делом одной секунды. И на этот раз все прошло без сучка без задоринки: в глазах не потемнело, ноги не подкосились, руки тоже не подвели.

Внутри вагона светили дежурные лампы, что-то электрически гудело и едва слышно журчало. Будто бы какой-то насос гонял жидкость по трубам. Филин протиснулся между непонятными баками и агрегатами и прошел немного вперед, стараясь не запутаться в хитросплетении проводов и шлангов, местами брошенных поперек узкого прохода.

Вскоре проход чуть расширился, и Филин увидел слева и справа нечто вроде спальных полок, только по пять штук друг над другом. То есть на таких полках пассажиры могли путешествовать исключительно лежа. И еще капитан не совсем понимал, каким образом пассажиры поднимались на самый верх.

Но главное – полки только на первый взгляд выглядели полками. Если присмотреться... Филин достал карманный фонарик и посветил на один из лежаков среднего яруса. Это больше походило на... формочку. Да, на формочку для отливки оловянных солдатиков, на ее тыльную половинку. Только здесь эта половинка формочки имела натуральную величину, в смысле – величину среднего человеческого тела.

Филин представил, что ложится в эту люльку, и сделал вывод, что в ней должно быть удобно. Вот только смущали торчащие из некоторых мест гвозди... или это иголки?

Капитан склонился, взялся за один из «гвоздей» и потянул. Железка легко вышла из гнезда. Следом за ней потянулась резиновая трубочка. Определенно это были иглы. А над

головной частью лежака нависала массивная металлическая запчасть, по форме как половина обруча, к которой были подведены электрические провода.

– Лечение умственных расстройств электричеством? – пробормотал Филин и хмыкнул. – Где-то я читал. Психушка на выезде?

– Хорошая версия, многое объясняет, – вдруг прошептал кто-то совсем рядом.

Никита схватился было за автомат, но вовремя одумался. Даже шепот у нее оказался красивый. Капитан обернулся и осветил фонариком в потолок, над тем местом, где стояла доктор с васильковыми глазами.

– Еще раз желаю здравия. Я капитан Филин, Никита...

– Очень приятно. Еремина Алевтина Дмитриевна. Можно просто Алевтина.

– Вы знаете, что это? – Филин обвел лучом фонарика ближайшие полки.

– Могу только догадываться. Пока не найду документацию, сказать что-то конкретное будет трудно.

– Но вы согласны, что это медицинское оборудование?

– Не знаю.

– Но ведь вас сюда привезли зачем-то? Кто привез? Жданов? То есть нечто натолкнуло его на мысль, что это оборудование имеет отношение к медицине, и он вызвал доктора, вас. Почему, кстати, именно вас?

– У меня ощущение, что Смерш уже приехал. – Еремина покачала головой. – Вы в милиции до войны не служили? Очень уж дотошно расспрашиваете.

– Не служил. Так почему именно вы?

– Я заведу рентгенотделением в госпитале. Разбираюсь немного в медицинских аппаратах. Но это не чисто медицинская техника. Вот эти приборы из области электротехники, радиосвязи... не могу сказать точно. Товарищ Стасенко поспешил с выводами, ему надо было вызвать связистов.

– Ах, вот кто тут распоряжается! – Филин усмехнулся. – С каких это пор замполиты руководят изучением научных трофеев? Вышел такой приказ?

– По-моему, ваш командир просто сплавил его, чтобы товарищ Стасенко не путался под ногами.

Филин вновь усмехнулся, погрозил доктору пальцем, а затем приложил все тот же палец к губам. Алевтина пожала плечами: «Мне все равно, замполитов не боюсь», но все же кивнула.

– На удивление оперативно сработал замполит. – Филин еще раз осветил лучом фонарика ближайшие полки. – Это ведь надо было сообразить, принять решение, согласовать, вызвать вас, привезти сюда... и все за шесть часов?

– Шесть часов? – Алевтина удивленно вскинула брови – между прочим, не подведенные, но при этом идеальной формы и в меру темные. – Все-таки надо уложить вас на обследование, капитан. Этот участок был занят вчера утром, а меня откомандировали сюда вечером. Пока ехали, потом пережидали – немцы дважды пытались вернуть этот полустанок, ночь прошла.

– Постойте, я, получается... сутки провалялся?! Даже больше?!

– Или где-то проваландался, – вдруг прозвучало из полумрака вагона. – На самовольное оставление части в условиях боевых действий походит. Как считаете, капитан Филин?

Под ближайшую лампу вразвалочку вышел упитанный подполковник. Это мягко говоря, упитанный. Начальник политотдела дивизии товарищ Стасенко. Фигура теоретически авторитетная, но практически никем не уважаемая за склонность к пустословию, мелочность и бесхребетность.

– Это вы, товарищ подполковник, у санитаров спросите, которые два часа назад меня откопали. – Филин смерил подполковника ироничным взглядом.

В форму замполит вырядился почему-то не в полевую, а в повседневную и сапоги начал стилист до блеска. И не замарал нигде. Он будто бы не пришел сюда, а прилетел.

«Прошелся бархоткой перед тем, как запрыгнуть в вагон? Перед доктором выкаблучивается? Тоже мне франт. Лучше б жрал поменьше».

– А у Васнецова с Бадмаевым уточните, – продолжил Филин, – сколько кило земли поверх нас троих лежало, и как они считают, смог бы я выбраться, погулять денек, а потом снова зарыться на ту же глубину?

– Ладно, остынь. – Стасенко смягчил интонации. – Вот вечно ты ерепенишься, Филин. Чего тебе неймется? На грубость хочешь нарваться? Без пенделей как без пряников?

– Я с детства такой: энергичный и любознательный. Поэтому в разведке и служу. А у вас какое оправдание?

– Опять дерзишь? Хочешь до цугундера договориться?

– Какая подначка, такая и сдачка. Можете вклеить мне выговор с занесением в личное дело. Или рапорт в Смерш напишите. Что вам больше нравится?

– А-а! – Подполковник сморщился, как от лимона, и махнул рукой. – Чумовой ты, Филин! Столько медалей мимо тебя пролетело из-за языка твоего бескостного, взвод можно наградить. И премиальных профукал... два кармана. Не жалко тебе?

– Не-а. – Филин усмехнулся. – Можете смеяться, но я за Родину воюю, а не за деньги с медалями. А вы?

– Уф-ф. – Стасенко снял фуражку и утер платком лысину. – Забодал ты меня. Смершевцам только не говори про свою подземную лежку. Не поверят. Сутки в отключке, считай, заживо похоронен был, а теперь вон что, живой и бодрый. Эти товарищи в божьи чудеса не верят. Так, товарищ Еремина?

– Мне-то откуда знать, товарищ Стасенко? В госпитале все в одно чудо верят – в исцеление. От хирургов и других врачей его ждут.

– Во-от! – протянул подполковник Стасенко многозначительно и поднял к потолку палец. – Никакого религиозного мракобесия, чистая наука! Все в полном соответствии с марксистско-ленинской теорией, а также сталинской практикой. Без ложных надежд на опиум для народа и спасительные свойства культовых талисманов и оберегов, вроде крестов, ладанок и образов. Вы согласны, товарищ капитан?

– Крестики – это не талисманы и не обереги, а просто символы веры. – Филин пожал плечами. – Напоминание такое. Задумал человек дурное, взялся за крестик и вспомнил, что религия ему этого не позволяет. Недаром же и среди атеистов распространена уловка «нарисовать крестик на память». Но насчет науки согласен. Она шагает вперед семимильными шагами.

Капитан похлопал по ближайшей полке.

– Наша наука не хуже ихней. – Подполковник уловил намек. – Или вы, товарищ капитан, обратный ход рассуждений предпочитаете?

Он с подозрением прищурился и уставился этаким «проницательным», как ему казалось, взглядом на Филина.

– «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю». – Капитан развел руками. – Дайте товарищу Ереминой немецкие документы, и тогда мы поймем, кто кого на текущий момент хуже или лучше.

– «На текущий момент», значит. – Стасенко кивнул. – Я запомню, товарищ Филин, эту вашу уклонистскую оговорочку. Разберемся с этим трофеем, будьте любезны заглянуть ко мне на беседу.

– Слушаюсь, товарищ подполковник, – спокойно ответил Никита. – Если не получу новое задание, непременно загляну.

– Надеетесь, Васнецов защитит, как обычно? – Стасенко усмехнулся. – Ну-ну. Посмотрим. Кстати, вы не в курсе, куда исчез один ваш боец... ефрейтор Покровский?

– Два варианта. Либо куда и все остальные – на небо... в чисто научном смысле, разумеется, в виде пепла. Либо... воюет. Наши далеко продвинулись?

– Относительно.

– Вот там его и надо искать... относительно.

– Поищем. А пока вы свободны, капитан Филин. Здесь вам делать нечего.

– Как знать...

– Мне пригласить майора Жданова?

– Я тоже выйду, – сказала Еремина. – Душно здесь. Будут новости – я в машине. Разрешите идти?

– Ступайте. – Подполковник Стасенко раздраженно махнул рукой.

Филин выпрыгнул из вагона и помог Алевтине спуститься на землю, а дальше первой двинулась она. Где стоит машина, разглядеть капитан не смог, пусть уже всю светило пока еще в меру яркое и относительно теплое октябрьское солнце.

«Уже ноябрьское, – мысленно поправил себя Филин. – Тридцать первое я пролежал, как бороз, под слоем грязи. Как только не окоченел? Земля тлела, это да, но ведь не сутки с гаком. И не задохнулся. Нет, Стасенко, напрасно ты столь решительно отвергаешь религиозное мракобесие. Без чудесного вмешательства тут не обошлось, вот те крест во все пузо, товарищ замполит».

– Сам предупреждал, что лишнего говорить не надо, и что? – Еремина вдруг обернулась и одарила капитана легкой улыбкой. Светлой, но почему-то грустной. – Еще немного – и довел бы несчастного Стасенко до психологической травмы. Ему и так трудно, никто его, похоже, всерьез не воспринимает.

Никита отметил очень неожиданный и благоприятный сдвиг в наметившихся отношениях. Алевтина обратилась к нему на «ты».

– А как можно воспринимать всерьез этот ходячий сборник лозунгов? – Филин усмехнулся. – Знаешь, и умные люди иногда говорят глупости. Это прощительно. Но когда умничают глупцы... это невыносимо.

– Все равно поосторожнее. Он трусоват, в лоб не пойдет, но, если подвернется случай, обязательно отомстит за все обиды. Такие типы злопамятны.

– Ты не только врач, ты еще и психолог?

– Все врачи психологи. – Алевтина остановилась и вдруг взяла Филина за руку.

Сначала капитан вообразил невесть что, но в следующую секунду понял – доктор просто решила посчитать пульс.

– Что там? «Пустое сердце бьется ровно»?

– Ты начитанный, – Еремина посмотрела на капитана как-то странно, искоса, будто бы с опаской, но и с любопытством. – А ну, пробежимся?

– Не вопрос. – Филин рванул с места в карьер и вмиг очутился на десяток метров впереди.

Доктор тоже не стала изображать кисейную барышню и припустила за капитаном вполне профессионально, по времени примерно второго разряда.

Находишь машина чуть дальше, забег мог бы продолжиться. Ни Филин, ни его соперница особо не запыхались. Но рядом с полуторкой оба затормозили, и доктор снова ухватила Никиту за запястье.

– Пятьдесят, – выдохнула Алевтина.

– Это хорошо?

– У меня... под сотню. А я, между прочим, бегом занималась. Область выигрывала. А ты каким видом спорта занимался?

– До войны? Никаким. Физкультурой в школе. Но с сорок первого... еще какой спортсмен. Мастер спортивного ползания и ворошиловский стрелок из всех видов оружия. А что не так?

– У тебя пульс... слишком медленный. В покое вовсе меньше сорока был. Может, от этого и в глазах темнеет.

– Меньше оборотов – меньше износ «пламенного мотора». – Филин улыбнулся. – Не так?
– Ты ведь не механизм. – Алевтина заглянула в машину. – Странно, где Ванечка? Здесь столько матценностей. Тиснет кто-нибудь лекарства, ему ж влетит.

– А правда, что новые лекарства, которые от всех инфекций лечат, из плесени делают?

– Правда, Никита. – Доктор повертела головой и негромко позвала: – Ваня! Ты где, Ваня?!

– Командир! – вдруг долетело откуда-то из-под вагонов. – Уходи, командир! Уходи!

Филин резко обернулся и увидел несущегося на всех парах, от насыпи напрямиком к санитарной машине... ефрейтора Покровского. Собственной персоной. Впереди, похоже, что на ефрейторских пинках, буквально летел тощий рыжий боец, а следом бежали еще несколько солдат и один офицер – уже знакомый майор Жданов.

Сначала Никите показалось, что «комендачи» гонятся за Покровским и рыжим, но вскоре капитан понял, что вся компания бежит не за кем-то, а от кого-то или от чего-то. Филин схватился за автомат, но противника не увидел, как ни старался.

– Ноги в руки! – заорал Покровский совсем уж неприлично громко. – Сейчас рванет к чертям!

Это пояснение Филина устроило. Теперь уже он схватил доктора Еремину за руку и потащил за собой куда подальше. Алевтина попыталась притормозить, якобы чтобы дожидаться Ванечку, – судя по всему, это был тот рыжий боец, но Филин не отпустил наивную и сердобольную докторшу. Ванечка Ванечкой, но, если у Покровского глаза становятся квадратными, а голос зычным, что иерихонская труба, дело серьезное, это точно.

За месяц с хвостиком совместной службы Филин хорошо изучил повадки подчиненного. И в том, что минное дело Алексей знает не хуже настоящего сапера, капитан успел убедиться. Если Покровский сказал, что сейчас рванет к чертям, рванет непременно и обязательно «к чертям».

Вытолкнув Алевтину вперед и придав ей нужное направление, капитан все же оглянулся, чтобы оценить обстановку. Почти все отбежали довольно далеко. Но доктор беспокоилась не напрасно, видимо, знала, насколько бестолков водитель ее машины. При любой мощности будущего взрыва убить теперь могло только одного отставшего воина из отряда Жданова, да еще как раз Ванечку, который решил завести свою полуторку.

Так и случилось. Вагоны рванули разом, и вот именно так, как предсказывал Покровский – ко всем чертям. Какие мины сработали, ведали только немецкие саперы. Но могущество взрывов оказалось таким, что обломки поднялись почти на высоту птичьего полета и разлетелись на полкилометра в разные стороны.

Взрывная волна легко подбросила санитарный грузовичок, перевернула через капот и отшвырнула метров на двадцать. Несколько десятков вырванных с корнями деревьев завалились, словно пародируя примятую траву, а две дюжины рельсовых обломков просвистели над головами, как запущенные подвыпившими кузнецами молоты. Все, кто пытался убежать, как бы далеко ни находились от железной дороги в момент детонации, потеряли опору под ногами и пролетели изрядное расстояние на манер подхваченных ветром осенних листьев.

Филин совершил этот увлекательный полет спиной вперед, поэтому сумел подметить, несмотря на дым, пыль и фонтанирующую землю, интересную деталь. Состав рванул не весь. Локомотив с пулеметной платформой, два пассажирских вагона и один «вагон-рефрижератор» уцелели. Тепловоз и вовсе остался на рельсах, а три уцелевших вагона просто завалились: пассажирские – назад, а вагон с неведомым советской науке содержимым – вперед. То есть лежал он с той стороны насыпи, где находился Филин со товарищи.

Ударная волна ослабела, и капитан совершил относительно жесткую посадку. Спиной ударился о землю, зато затылком обо что-то мягкое. Это уберегло Филина от новой отключки,

но... стоило доктору Ереминой огромного синяка на таком месте, что неудобно говорить. Именно это место оказалось у Филина под головой.

Но насчет синяков и прочего бесплатного фронтowego макияжа разговор состоялся чуть позже, когда Алевтина отошла от шока. Пока же доктор лежала ничком, оцепенев от боли в ушибленных местах, а капитан, тоже временно беспомощный, наблюдал за происходящим у насыпи и на ней.

Загадочно мощный взрыв не спровоцировал почти никакого пожара. Пыхал только устоявший тепловоз, снова дымил пропитавший насыпь мазут, трещал занявшийся бурелом, нехотя горели два вагона по ту сторону насыпи. Пожалуй, и все. Вагон с загадочным оборудованием даже не тлел. Лежал себе под откосом, почти не закопченный, только помятый.

Но бог с ним, с вагоном. Филин отчетливо видел человеческую фигуру, отделившуюся от силуэта вагона и теперь бредущую прочь. Капитан понимал, что такого не может быть, но мог поклясться комсомольским билетом, что это подполковник Стасенко! Тот самый идейный богоборец, полчаса назад именовавший любые чудеса религиозным мракобесием.

«И что он скажет теперь? – Филин скривил губы в ухмылке. – С другой стороны, не слишком ли много чудес на квадратный километр? Я ведь не видел, откуда на самом деле взялся Стасенко. Мы расстались в том самом вагоне, но был ли подполковник в нем, когда громынуло? И почему взорвалось либо загорелось все, кроме этого вагона? Даже вот так, навскидку, уйма вопросов. А сколько их будет, если задуматься?»

Филин услышал новые звуки и насторожился. Нет, моторизованные части фрицев обычно издавали другие звуки. Сейчас обиженно рычали маломощные моторы и подвывали простейшие трансмиссии. Приближалась колонна из трех полуторок. В тон им ворчало что-то поприличнее, но помельче, вроде «виллиса».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.